

Разитель

Владимир Михайлов

Постоянная Крата

«Автор»

2003

Михайлов В. Д.

Постоянная Крата / В. Д. Михайлов — «Автор»,
2003 — (Разитель)

Когда отказывают сверхнадежные системы вневременной транспортировки, когда бессилён Космический флот, когда целостность Федерации под угрозой – только агент Службы Безопасности по прозвищу Разитель (можно просто Ра) в состоянии спасти ситуацию. Не успев как следует отдохнуть после головокружительной операции по розыску семян загадочной уракары, в ходе которой ему пришлось мимоходом предотвратить кризис галактического масштаба, Разитель вновь отправляется на задание. Теперь его противник – могущественная и крайне таинственная корпорация ХТС, приватизировавшая целую планету...

© Михайлов В. Д., 2003

© Автор, 2003

Содержание

1. Разитель, для своих – просто Ра	5
2. Шестая эскадра, адмирал Сигор	12
3. Нужны еще пять Ра?	14
4. Игры в Просторе	16
5. Старуха в углу	21
6. Вратарь-заика	24
7. Старый друг – лучше новых двух?	30
8. Доктор Тазон в затруднении	33
9. Два с минусом за ответ	36
10. Доктор Астин Крат, тот самый	41
11. Трудно жить без допуска	44
12. Доктор Крат – немного о себе	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Михайлов

Постоянная Крата

1. Разитель, для своих – просто Ра

И вдруг я скис.

Мне оставалось дописать две, ну от силы три страницы, чтобы закончить отчет. И тут я почувствовал, что больше не в состоянии выжать из себя ни слова, связать самую простую мысль, сделать элементарнейший вывод. Все. Конец. Вместо головы на моих плечах оказался воздушный шарик, к тому же надутый не гелием и даже не воздухом, каким все привыкли дышать, но какой-то дрянной газовой смесью, дурно пахнувшей к тому же. Как на свалке.

Я еще посидел за столом, опустив голову на грудь и уронив руки. Кажется, ожидал, что пройдет минута-другая – и все опять придет в норму. Не приходило. Мозг завис, как это бывает с компьютерами. Но перезагрузить его было куда труднее. Потому что и мой мик, микробиокомпьютер, занимающий в голове очень мало места и приносящий очень большую пользу, отказал вместе со всей прочей начинкой черепной полости. Похоже было, что с коры больших полушарий разом исчезли все извилины и поверхностью они стали похожи на подготовленный к игре футбольный мяч. К счастью (или наоборот), поблизости не оставалось никого, кто мог бы наподдать ему бутсой. Но это служило слабым утешением.

Я взглянул на прерванный на полуслове текст, что светился на дисплее большой железки, на которой я стряпал свой опус. Не знаю, какую цель это движение преследовало: закрыть? стереть? Сработал, однако, привычный рефлекс, и я скомандовал сохранение. Ну, прекрасно. А дальше что?

Встал. Подошел к распахнутой стеклянной двери, за которой сразу же начинался лес. Так принято строить и жить на Стреле-Третьей – в мире, в котором я сейчас и находился. Коттеджи были разбросаны в зеленом массиве, производившем впечатление совершенно дикого, хотя на деле это было не так. Просто люди тут умели, приспособивая природу к своим понятиям, вовремя остановиться. Когда я был еще способен думать, то почти сразу понял: пока что малоизвестная среди жаждущих отдыха планета эта в недалеком будущем сделается конкурентом номер один знаменитой Топси. Слава богу, что еще не стала: за деньги, за которые я снял этот дом на конвенционный месяц, на топсийском Аморе удалось бы получить разве что гамак в густой тени линии высокого напряжения. Цивилизации, как и всему на свете, свойственны свои недостатки.

Но, как я уже говорил, пока об этом мало кто знал: к большой раскрутке Трешки (такую кличку получил этот мир у рекламщиков) еще только готовились. Я же был в курсе. Не так уж и давно при проведении неожиданной и довольно лихой операции мне пришлось познакомиться с характеристиками многих миров, Трешки в том числе. Еще тогда подумалось: вот прелестное местечко для того, чтобы на какое-то время укрыться от слишком пристального внимания тех, кто не захочет простить мне моей активности в деле с уракарой. Однако сомнение мое было по заслугам наказано: об этом деле забыли очень быстро, и теперь Теллус с Армагом считались лучшими друзьями. Так что уезжать именно по этой причине мне не понадобилось. Можно было спокойно припухать в родном мире, наслаждаясь обществом собственной супруги, – тем более что за ту операцию мне все-таки заплатили (хотя я рассчитывал на большее) и беспокоиться о хлебе с маслом не приходилось. Чего же тебе еще, человек?

И все же уехать пришлось. И даже не просто уехать, а сбежать.

Не от врагов. И не от родной некогда Службы. Но от того, от чего человек, как правило, бывает менее всего защищен: от семейных неурядиц.

Я повздорил с женой. С Лючаной. Раз, и другой, и третий. Из-за ерунды. Если разобраться – из-за ничего.

Дело заключалось в том, что и она, и я – вдруг, ни с того ни с сего – стали ревновать друг друга.

В операции, о которой я, наверное, не раз еще вспомню, мы с Лючаной работали, как и обычно, парой – при общей цели у каждого были свои задачи и свои маршруты. Я вел поиск, а это всегда связано с риском куда выше нормального, так что ни одна страховая компания не стала бы заключать со мною контракт; но именно жена прикрывала меня и выручала в напряженные мгновения. За время этой работы мы с нею пересекались несколько раз, в самых неожиданных обстоятельствах, и нам удавалось провести вместе – и даже в уединении – иногда часы, иногда всего лишь минуты. Это время мы использовали, кроме прочего, и для реализации наших супружеских отношений. Ну что делать: это нам всегда нравилось. И когда мы снова встретились наконец у себя дома и стали приводить семейное гнездо, изрядно разгромленное незваными гостями, в более или менее пристойное состояние, у нас, естественно, не было ни желания, ни повода прерывать такие отношения. Наоборот.

И вот они-то, похоже, нас и подвели.

Когда мы встречались на считанные минуты и под угрозой близкой опасности, было не до деталей и еще менее – до подозрений. Сама по себе близость казалась (и была) настолько ценной, поскольку каждый раз могла оказаться последней, что мы бросались в нее, как пришедший из пустыни – в воду: не пробуя пальчиком, насколько она холодна. И все было – как теперь вспоминалось – прекрасно.

Но сейчас, дома, не было никаких опасностей. И все без остатка время находилось в нашем распоряжении, потому что мы позволили себе расслабиться и ничем серьезным не заниматься.

А в таких случаях неизбежно возникают мысли. Точнее – придури. Человеку не на что обратить свою энергию и способности; они не получают пищи извне – и начинается процесс самопереваривания.

Думаю, излишне говорить, что за годы семейной близости – а не так уж мало накопало этих лет – мы вроде бы успели изучить друг друга достаточно хорошо. И в работе, и дома, и в любой другой обстановке. Девять раз из десяти могли точно определить ход мыслей друг друга, а значит – и слова, что будут сказаны, и действия, которые последуют. Без усилий, без напряжений. Днем и ночью.

Вот ночью все и началось. И как раз в минуты близости.

Собственно, мне не стоило бы вводить вас в курс наших семейных дел. Однако если этого не объяснить, то вы не поймете причин дальнейшего, а без знания причин трудно бывает разобраться в последствиях.

Мне что-то почудилось, и я сказал:

– Слушай, а вот этому ты где научилась?

– Этому – чему? – не сразу поняла она.

– Ну, вот...

И я без слов показал ей, что имел в виду.

– Сама придумала, наверное, – откликнулась Лючана как-то рассеянно.

– Раньше ты так не делала...

Тут она, похоже, стала сердиться. Да и то, если подумать – время и место были не самыми подходящими для подобного разбирательства.

– Значит, нашла, – проговорила она с иронией. – Под деревом. Шла – и нашла. Устраивает? Если тебе так не нравится – могу не делать. Я хотела как лучше.

И вместо ожидаемого продолжения повернулась ко мне спиной. Я попробовал вернуть ее к повторению пройденного. В ответ получил тычок локтем. И такое вот заявление:

– Я же не спрашиваю, где и у кого ты нахватался всяких приемчиков, которых раньше не было. Мне еще тогда, в лодке, показалось... А еще больше – там, на Топси, на материке, после того как ты вырубился...

Я совершенно точно знал, что никогда ничего такого себе не позволял. И рассердился в свою очередь:

– Что же, по-твоему, я там по девочкам гулял?

– Ну а я? – Ее голос стал как только что вынутый из морозильника. – Что, по чужим постелям там елозила? Или все-таки тебя, бедняжку, вытаскивала из дерьма?

Тут я решил, чтобы не заводить дела слишком далеко, спустить все на тормозах:

– А я ничего такого и не говорил. Хотя (тут я не смог удержаться) там, в Топсимаре на Рынке, где ты мне еще денег подкинула, там около твоего киоска разве не терся такой тип – мурластый, на кобеля похожий? Да ты мне, кстати, рассказала, откуда та сотня штук взялась?

– Ты! – даже не произнесла, а прошипела в ответ моя благоверная. – Пош-шел вон отсюда! Чтобы тобой в этой комнате и не пахло!

Я почувствовал себя глубоко оскорбленным. Собственно, я ведь ничего такого... Но уж раз ты так...

Не сказав более ни слова, я взял подушку, подобрал с пола свое одеяло и пошел досыпать на диване в моей рабочей комнате.

Вот с чего все началось.

У меня еще сохранялись надежды, что с утра все вернется к нормальному состоянию.

Однако не тут-то было. Беда, скорее всего, в том, что у меня очень богатое воображение. Иначе на такой работе и нельзя: не запуская воображение на полную мощность, невозможно представить все варианты развития событий, начиная с реальной минуты, в которой ты находишься, а не видя вариантов, лишаешься возможности проанализировать их и остановиться, если не на истинном раскладе, то во всяком случае на самом близком к нему – и действовать соответственно. Но на этот раз моя фантазия вышла из-под контроля и галопом помчалась в том направлении, где дорога обрывалась в пропасть.

Ворочаясь на диване, я до самого рассвета представлял – и притом очень убедительно, – как на том месте рядом с Лючаной, которое всегда по праву занимал я сам, находится некто другой (лицо его не различалось в темноте) и позволяет себе все то, на что имел право только я, и даже то, чего и мне не позволялось. Я пытался удрать от своего воображения привычным способом: уйти в медитацию. Ничего не получалось: для этого нужно прежде всего войти в нужное состояние, отстраниться от всего, связанного с повседневными заботами, приглушить собственное воображение и позволить управлять им другим силам – но на сей раз воображение оказалось сильнее и демонстрировало мне такие картинки, по сравнению с которыми известная «Камасутра» показалась бы учебником для начальной школы.

Одним словом, уснуть мне не удалось, и на рассвете я сорвался с дивана в настроении хуже некуда и заторопился на кухню – хлебнуть кофе и выскочить из дому куда-нибудь на природу; это обычно помогало привести себя в более или менее пристойный порядок.

Замысел был неплох и, наверное, сработал бы – не наткнись я на кухне на собственную супругу. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: и она ночью не сомкнула глаз, и ей тоже показывали картинку в том же духе, что и мне, – только главным сукиным сыном и подонком в них был я.

Оказавшись лицом к лицу, мы секунду-другую простояли без слов и телодвижений. Похоже, каждый из нас хотел что-то сказать – уже набирал побольше воздуха в грудь и раскрывал рот, – но через мгновение делал медленный выдох, так и не издав ни звука. Наверное, потому, что каждый боялся начать разговор, чтобы не вызвать ответного камнепада. А когда эти секунды истекли, мы – совершенно одновременно, как по команде, – повернулись друг к

другу спиной и исчезли: Лючана – в жилых комнатах, мне же не оставалось ничего другого, как броситься к выходу. Похоже, мы тогда уподобились двум субкритическим массам плутония или другой подобной же пакости: стоило нам сблизиться – и весь мир разнесло бы в мелкие дребезги, не оставляя ни малейшей надежды на какое-то восстановление.

Единственным, что я еще успел сделать, было, проносясь по коридору к выходу, захватить из стенного шкафа одежду и оперативный кейс, который всегда стоял там в полной готовности, рядышком с другим таким же, но принадлежавшим Лючане; так у нас повелось еще с тех времен, когда можно было в любой час суток и в любой день каждого месяца ожидать вызова по категории «Анни» – высшей срочности. На бегу я пробормотал Вратарю: «Убываю на „Эн“, буду держать в курсе» – и был таков.

Я ожидал, наверное, что на улице мне станет легче, и я смогу разобраться в происходящем, решить, что я должен теперь предпринять, а чего ни в коем случае делать не следовало. Однако оживший во мне вулкан продолжал извергать – в основном грязь. Привкус этой грязи я различал и в кофе, который мне подали в забегаловке за углом, здесь я обычно столовался в те дни, когда Лючана солировала в каких-то операциях, где обходились без меня; и в жареной грудинке, и в салате – одним словом, везде. И почему-то чем дальше, тем больше мне казалось, что это Лючана окунула меня в эту грязь. Это она довела меня до такого состояния! Это она, она, она!..

Нет, довольно! Я для нее плох – пусть ловит свое счастье без меня. А мне сейчас нужно только одно: убраться куда-нибудь подальше, сменить все декорации сверху донизу, зажить спокойной, одинокой жизнью, а чему быть дальше – пусть решает время – и те, разумеется, кто этим временем владеет и управляет.

Вот в таких размышлениях я прямо из кафе направился к ближайшей станции ВВ – вневременки, мгновенного транспорта, если кто забыл, – и без долгих размышлений выбрал Стрелу Третью, Трешку, – потому что она была, во-первых, очень далеко (хотя в век ВВ-транспорта это, скажем прямо, аргумент несостоятельный – и все же он играет свою роль, всякой логике вопреки), и во-вторых, совершенно не похожа ни на Теллус, ни на Армаг, ни даже на Топси. А мне нужны были именно новые переживания, чтобы попытаться избавиться от старых.

Когда я вышел из ВВ-кабины в месте назначения и, оказавшись на городской площади, осмотрелся, то прежде всего похвалил себя за то, что все угадал правильно. С первого взгляда мне тут понравилось. Это была единственная площадь единственного в этом мире города, объединявшего в себе статус столицы с глубоко провинциальным обликом. Город выглядел олицетворением тишины, покоя и достаточного благополучия, а с другой стороны, он никак не был мертвым местечком, в нем даже велось новое строительство – во всяком случае, тут, в центре, по соседству с особнячком правительства, станцией местного транспорта и центром ВВ, заканчивали воздвигать еще нечто, по внешнему виду сугубо современное; собственно, оставалось лишь приколотить вывеску, сам павильон был уже готов. Вывеска была прислонена к стене, и на ней легко можно было прочесть: «Вербовочный пункт мира Улар». Начертаны эти слова были на фоне горного хребта, с которым по высоте едва ли не соперничали башни и корпуса весьма современной архитектуры. И горы, и корпуса были как раз тем, что сейчас никак не соответствовало моему настроению; так что я мысленно послал им воздушный поцелуй и зашагал через площадь к правительству – потому что там мне следовало отметить и снять какое-нибудь жилье: здешняя верховная власть, как я успел узнать, занималась и такими – главным образом такими – вопросами.

Единственное, что нужно человеку нашего времени, чтобы с комфортом устроиться в любом обитаемом мире Федерации, это деньги. Ну, и еще, разумеется, ВВ-услуги: транспорт и связь. Остальное вам обеспечат на месте. Так получилось и на Трешке: я снял коттедж без хлопот и за смешные (по теллурским понятиям) деньги. На неопределенный срок, с обязатель-

ством предупредить о прекращении аренды за две конвенционных недели. И уплатил за полгода вперед: я рассчитывал, что за такой срок успею восстановиться до нормы – и (надеялся я) Лючана успеет тоже. Хотя в этом полной уверенности у меня не было: женщина остается женщиной, даже став классным оперативником, и к каким выводам и решениям она придет – ты можешь представить только, когда речь идет о работе, и никак не в состоянии, если дело относится к личной жизни. Нет, кто-то, может быть, и способен на такое – но, во всяком случае, не я.

Первые две недели на С-три я занимался только двумя делами: спал и бродил по лесу. И с каждым днем все больше хвалил себя за правильно сделанный выбор. Все, что растет на этой планете – деревья, кусты, травы, – имеет с теллурианской флорой лишь одну общую черту: у них тоже преобладает зеленый цвет. Все же прочее, начиная от структуры, отстоит от наших достаточно далеко. Во всяком случае, за эти две недели мне не удалось увидеть ни одного дерева и ни единого цветка, которые своим строением, формой и так далее ассоциировались с чем-нибудь привычным. Ни разу я не смог сказать себе: «Вот это сильно смахивает на нашу березу (дуб, клен, пальму, баобаб и так далее)». Зато не раз широко распахивал рот от удивления, пораженный той фантазией и хитроумием, какими обладает природа. Во всяком случае, так обстояло дело в средних широтах Трешки, которые я выбрал для проживания. Что же касается беспокойства со стороны соседей, то его не было – потому что не было и самих соседей; во всяком случае, в том смысле, какой вкладывается в это слово у нас. Не то чтобы этот край был вовсе необитаемым: еще в правительстве меня предупредили, что совсем недавно тут поселилась довольно многочисленная компания вроде бы военнавтов – наверное, прибыли, чтобы на покое провести отпуск после очередной смены. Однако от них меня отделяло что-то около тридцати километров – навты забрались почему-то в самую глушь, – а сокращать это расстояние у меня не было никакой охоты. Думаю, что и у них тоже – поскольку им, я полагаю, вполне хватало собственного общества, если учесть, что военные космические экипажи комплектуются военнавтами обоих полов на паритетных началах. Я искренне пожелал им всяческих утех и больше о них не вспоминал.

Но все-таки время от времени человеку бывает нужно пообщаться с кем-нибудь вслух – хотя бы для того, чтобы оценить всю прелесть безмолвного диалога с самым умным и приятным человеком во Вселенной – с самим собой, как вы понимаете. Язык, бывает, устает от молчания. Но это – дело поправимое.

Чтобы выйти из положения, я слегка напряг мой мик, объединив его усилия с возможностями здешнего компа, который, естественно, имелся в коттедже в числе прочих полагающихся удобств, и, немного попотев, за три дня сварганил виртуального собеседника, ничем вроде бы не походившего на меня самого; сочинил ему биографию, характер и все такое, чтобы было, с кем поругаться или, наоборот, совместно с чем-то согласиться, гуляя по окрестностям. Гулял он, конечно, в моем мике: для создания нормального фантомного тела пришлось бы вспотеть куда больше, а я все-таки хотел отдохнуть.

Собеседник – я дал ему имя и фамилию, и то и другое на букву «П» – сам не знаю, почему именно так, Приличный Парень, может быть, – так вот, этот ПП оказался не в меру любопытным и уже через пару дней стал надоедать мне сверх допустимого. Пришлось ухлопать еще три дня, чтобы спрограммировать еще одного мужичка – собеседника на этот раз для ПП, а не для меня. Этого я назвал ТЧ – Тихий Человек, допустим. Я замкнул их друг на друга, после чего смог по достоинству оценить наступившее спокойствие.

Когда пошла третья неделя, я решил, что процесс ознакомления с новым миром закончен и пора заняться каким-нибудь делом посерьезнее. Мысль мне понравилась. Единственным препятствием к ее осуществлению было то, что никаких настоящих, серьезных дел у меня здесь так и не нашлось. Ну ни единого.

Человек, как известно, отличается от прочего живого мира тем, что если всякое иное живое существо стремится приспособиться к окружающим условиям, к среде обитания, то человек, едва до него доходит, что он в иерархии творения является изделием номер один, начинает приспособлять окружающую среду к своим представлениям о том, какой она для его блага должна стать. И, кстати, довольно скоро понимает, что совершает ошибку, может быть, даже роковую, – но уже не в силах отказаться от замысла. Я тоже, как я полагаю, человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Если среда не приспособлена ко мне – в смысле, она не предоставляет мне никаких стоящих дел, чтобы я мог ими заняться, – значит, я создам такие дела сам. Только и всего.

Я немножко подумал – и засел за сочинение подробного отчета о той операции, которая в архиве Службы носит невразумительное (как и все кодовые) название «Кольцо уракары». Я составлял доклад, стараясь восстановить в памяти до мелочей каждое событие и его участников, свои замыслы и результаты их воплощения – и тому подобное. И сразу почувствовал себя занятым человеком, раз и навсегда запретившим и ПП, и его собеседнику обращаться ко мне, пока я сам их о чем-нибудь не попрошу. Поскольку об уракаре они вообще ничего не знали.

Работая, сотворяя новый текст и возвращаясь к уже написанным разделам, я старался не думать о том, о чем размышлять было бы неприятно: что этот мой отчет никому не нужен, никто его не заказывал, никто не ждал и, если я так никогда его и не закончу, никто не почешется, потому что вообще даже не узнает о том, что такой отчет когда-то писался. То есть работа моя на самом деле представляла собой лишь довольно элегантную форму безделья; не зря бездельники, как правило, стараются выглядеть предельно занятыми людьми. Наоборот, мне удалось внушить себе, что на Теллусе, в Службе, не кто иной, как сам Иванос, барабаня пальцами по столу, в двадцать пятый раз нетерпеливо вопрошает: «Что, отчет еще не получен? Ну почему Разитель так копается?!». Таким способом я прищипоривал самого себя. И к середине третьего месяца жизни на Стреле Третьей почувствовал, что дело близится к финалу. При этом написанное мне даже нравилось. Я начал уже подумывать, что его можно будет использовать в качестве учебного пособия при подготовке молодых кадров в Службе. Оставалось дописать еще две-три страницы – или, как давным-давно сказал поэт, «Еще одно последнее сказанье»...

И вот тут-то я и кис. Совершенно неожиданно для самого себя.

Исчезли вдруг и желание, и умение эти две страницы написать. И не только написать, но даже и думать обо всем этом.

Не надо было долго соображать, чтобы понять почему.

Излагая события прошлой операции, я никак не мог обойтись без Лючаны, которая, как я уже упоминал, в те дни страховала меня и всегда появлялась на месте действия как раз тогда, когда было нужно, чтобы оказать мне необходимую помощь, а временами даже просто спасти мою жизнь.

И всякий раз, вспоминая и заново переживая минувшее, я видел и ощущал ее – и с каждым днем все меньше понимал, что же, в конце концов, произошло между нами и почему я здесь – без нее, а она там – я был уверен – без меня. Что за идиотизм!

Объяснение у меня было лишь одно: операция с уракарой обоим нам обошлась недешево в смысле потраченных нервов, вообще здоровья, основательно разгромленного семейного гнезда... Мы вовремя не поняли: не нужно было браться за восстановление и приведение в порядок жилья, сделать следовало совершенно другое, а именно то, что сделал я один: мы должны были сбежать в незнакомую и совершенно спокойную обстановку, хотя бы на эту же Трешку – вдвоем, только вдвоем! – и тут жить, ожидая, пока оба не придем в норму. И уж тогда начинать думать о своих теллурианских заботах.

Теперь ясно стало, что мы оба были на пределе. Но главная вина, конечно, лежала на мне: я сорвался первым. Хотя – теперь я видел это совершенно ясно – у меня не было никаких оснований подозревать ее. И еще больше: если даже где-то когда-то с кем-то у нее что-то и произошло – ну и что? Все мы минутами проявляем слабость, а порою это вообще может оказаться необходимым для того, чтобы... ну, в общем, нужно. Но это же не повод для разрушения такого прекрасного союза, каким был наш.

Тем более что... гм. Ну, ладно.

Короче говоря – виноват был я. Выходит, мне и следовало сделать первый шаг к примирению.

Я был очень благодарен Стреле Третьей за то, что она помогла мне прийти в себя. Но чувствовал, что больше не в силах пробыть здесь ни единого дня.

Не размышляя далее, я уложил свой скудный багаж, оповещать об отъезде никого не стал, поскольку дом еще на три с лишним месяца оставался за мной и я рассчитывал, покаявшись и заключив мир, вернуться сюда уже с Лючаной и тут завершить процесс возвращения к нормальной жизни.

Вот таким образом я очертя голову вновь кинулся в тот мир, где меня три месяца не было; туда, где за это время успели произойти самые разные события, о которых у меня не имелось ни малейшего представления – потому что все это время я совершенно намеренно не получал извне – и не желал получать – ни бита информации. Не так уж редко мы, обидевшись на близкого человека, бессознательно переносим эту обиду и на весь мир – просто потому, что есть некое мазохистское удовольствие в ощущении себя самым обиженным из всех, кого когда-либо обижали.

И зря.

2. Шестая эскадра, адмирал Сигор

Крейсеры Шестой эскадры Федерального флота, главная база – Теллус, получив приказ, не потратили на сборы и лишней минуты. Хотя приказ, да и вся поставленная задача, вполне заслуживал определения «неожиданный», но для людей военных такого понятия вообще не существует: по определению, они должны во всякий миг быть готовыми к выполнению любого приказа. Поэтому адмирал Сигор, державший свой флаг на «Ярославе», даже бровью не повел, уяснив задание, но немедленно отдал необходимые команды – и уже через двадцать минут все пять кораблей вышли на исходные позиции для разгона и прыжка.

Корабли Шестой эскадры были самыми современными в космическом флоте Теллуса, во всей Федерации подобные крейсеры имелись только на Армаге. Смонтированные на орбитальных верфях за последние десять лет, они были снаряжены и вооружены с использованием всех новейших достижений науки и техники, в том числе и ВВ-информации и ВВ-транспортировки. Это не означало, конечно, что сами корабли могли передвигаться вне времени: большие массы металла, по какому-то капризу природы, ВВ-транспортировке не поддавались; зато производить хотя бы замену экипажа можно было в любой точке пространства (но не сопостранства, разумеется). И то, что на выполнение внезапно возникшего задания были посланы именно эти корабли, означало одно: перед властями Федерации возникла какая-то серьезная проблема.

Впрочем, флагман эскадры адмирал Сигор, откровенно говоря, не видел в поставленной перед ним задаче совершенно ничего, что требовало бы подобной поспешности. Вылет, по его мнению, можно было бы и отложить на неделю, а то и на две. Не потому, разумеется, что корабли не были готовы к походу: они были на «товъсь» в любой миг – если говорить о кораблях как механизмах. Однако если обратиться к человеческой составляющей, то тут могли возникнуть сомнения – и у адмирала они действительно возникли.

Опять-таки не в том было дело, что кто-то из экипажа крейсеров не соответствовал своему месту – по здоровью ли, выучке, морально-волевым качествам и так далее. Все соответствовали. Но люди остаются людьми, а порядок всегда должен оставаться порядком. Потому что отклонения в людях неизбежно ведут к нарушению порядка – и наоборот, отступления от порядка ведут к нарушениям в поведении людей. Порядок же, до сих пор ни разу не нарушавшийся на эскадре, заключался, кроме всего прочего, и в том, что для каждого из этих кораблей, по давней традиции, существовало два полных комплекта экипажей, начиная с капитана и до камбузного юнги (если бы такой числился в судовом расписании). И замена одного экипажа другим производилась через каждые сто восемьдесят конвенционных, то есть теллурианских, суток независимо от того, где находились корабли. Благодаря ВВ-транспортировке процесс этот можно было соблюдать, и он действительно соблюдался – с точностью если не до минуты, то уж до нескольких часов – все годы, с самого формирования эскадры. Отступление от этого порядка могло быть вызвано лишь одной причиной: войной.

Но сейчас войны не было, и эскадра ушла в поход для выполнения операций, которые, строго говоря, не были военными действиями, скорее их можно было назвать мерами по пресечению нарушений законности. А это означало, что смена экипажей должна произойти, как все и ожидали, день в день.

Сомнения же адмирала были вызваны тем, что от момента получения приказа о начале операции до этой смены оставалось всего лишь одиннадцать дней. И по мнению флагмана, вполне обоснованному, мир не рухнул бы, если бы крейсеры ушли в поход двумя неделями позже; зато экипажи успели бы спокойно смениться на базе и у второго состава осталось бы еще несколько дней для вживания в обстановку – за полгода даже хороший специалист успеет отвыкнуть от многого. Теперь же придется производить замену на ходу – принимая дублеров по ВВ и таким же путем отправляя домой отработавший состав. Единственным, кто останется

на борту «Ярослава», будет он сам – поскольку командующему эскадрой дублера не полагалось. «И значит, – думал адмирал, невольно морщась, – в течение нескольких дней эскадра будет располагать, в лучшем случае, половиной своей боеспособности – пока не восстановятся полностью все связи членов экипажа – друг с другом и всего экипажа в целом – с материальной частью. Только после этого можно будет говорить о начале выполнения поставленной задачи. Отложить же смену экипажей совершенно невозможно: и потому, что сейчас никому не было и не могло быть известно, когда эта операция закончится, и еще по той причине, что сам экипаж воспримет это как произвольное и ничем не оправданное нарушение их прав и условий контракта, в котором пункт о замене через каждые сто восемьдесят суток был прописан совершенно четко. Так что оставаться с возмущенным экипажем было бы, пожалуй, еще хуже, чем начинать поход с растренированной командой...»

Вот так размышлял адмирал Сигор, но, разумеется, держал все эти мысли при себе, справедливо считая любое проявление своих сомнений – хотя бы простым поднятием бровей – в данной обстановке совершенно невозможным.

Так что до дня смены все шло совершенно спокойно. Крейсера эскадры без помех разогнались и ушли в прыжок, беспрепятственно локализовались в заранее выбранном сопостранственном узле, проложили новый курс и через положенное время вынырнули в нормальном Просторе, в пяти сутках пути до того мира, который и являлся целью похода и пространство вокруг которого им надлежало с этого мига контролировать строжайшим образом.

В задачу эскадры входило также установление связи с теми, кто в этом мире находился, сообщение этой стороне определенных условий и дальнейшие действия – в зависимости от реакции противной стороны.

Однако с установлением связи адмирал решил несколько помедлить – до того, как замена экипажей наконец состоится и он поймет, на каком уровне готовности находится полгода отдыхавший второй состав.

Команду на проведение замены адмирал подал час в час, без задержки. И сразу же первая группа ушла по ВВ на Теллурианскую базу. Именно таким был порядок: сперва на борту освобождались места, затем их занимали вновь прибывшие, уходила новая группа – и прибывало еще столько же сменщиков... Благодаря мощности бортовых ВВ-установок вся смена производилась в три таких приема и занимала один час двадцать минут.

Люди убывали, люди прибывали; в самом начале адмирал по трансляции попрощался со всеми и поблагодарил за службу, и вот уже в его каюту вошел убывающий последним капитан, как и полагалось, для прощания, а через двадцать минут на этом же месте будет стоять новый капитан с полагающимся рапортом, на который адмирал даст свое «добро», – и служба, на миг застывшая, тронется дальше, постепенно набирая скорость.

И через двадцать минут во флагманскую каюту действительно вошел человек. Но не тот, кого ждал адмирал; хотя и этот был во флотской форме, но такого капитана на службе Теллуса не было никогда. И рапорт его оказался несколько необычным:

– Адмирал, корабли эскадры покинуты вашими экипажами, которые теперь заменены моими людьми. Вы арестованы и будете содержаться на планете.

– Бред, – ответил адмирал. – Откуда ты взялся, паяц? – Он нажал на кнопку вызова. – Дежурный офицер, ко мне!

– Напрасно, – сказал «паяц». – Ни одного человека из вашего первого экипажа на борту, как вы знаете, не осталось, – но они не на Теллусе, они доставлены совсем в другой мир, откуда могут попасть куда угодно – только не сюда. А что касается второго экипажа, сменного, – он перехвачен при ВВ-транспортировке, и сейчас эти люди находятся на нашей планете. Так что вам не из чего выбирать и не на что рассчитывать.

– Чей приказ вы выполняете?!

– Это, адмирал, вы сможете узнать в самом скором будущем.

3. Нужны еще пять Ра?

На Трешке каждый отдельно стоящий и сдающийся внаем коттедж снабжен, естественно, ВВ-установкой – правда, лишь местного действия. Но и это неплохо. С ее помощью я мигом добрался до той самой городской станции – уже федерального масштаба, – на которую я и прибыл три месяца тому назад.

Площадь находилась в том состоянии, в каком я оставил ее в день прилета; разве что вербовочная вывеска теперь не прислонялась к стене пункта, но висела над входом в павильон. Похоже, идея вербовки на Улар, и вообще куда угодно, здесь успехом не пользовалась: ни около пункта, ни (это было видно сквозь широкое окно) в нем самом не было заметно ни единого кандидата в клиенты. Что было ясно с самого начала.

Сообщение этой планеты с другими мирами было достаточно вялым; я уже говорил, что среди убежденных курортников Федерации Трешка не пользовалась уважением, поскольку не успела еще понастроить у себя ни казино, ни бассейнов с кабинками и массажистками, ни кабаков, где кормили и поили бы чем-то сугубо местным, чего ни в каком другом мире не подавали; такие блюда ценятся высоко, хотя если бы что-то подобное подала вам дома к обеду жена, вы устроили бы ей сцену. ВВ-порт, попросту говоря, пустовал – и я уверенно направился к ближайшей кабине, над дверцей которой гостеприимно светился зеленый индикатор. Я вставил карточку в прорезь, чтобы оплатить перенос. На дисплее засветилось: «Добро пожаловать в систему ВВ ХТСинус». Все нормально.

Нажал клавишу входа. Дверца распахнулась. Я вошел в кабину. Нажал клавишу «Старт».

И ничего не произошло. Дверца даже не потрудилась затвориться. Словно бы меня и не было и у меня не существовало желания уехать.

Ох, провинция...

Именно так подумал я, прежде чем нажать стартовую клавишу еще раз – причем с таким же результатом.

Неисправность?

Ладно, соседняя кабина тоже свободна. Как и все прочие.

Но и в этой кабине повторилось то же самое. И в третьей тоже.

Дальше я и пробовать не стал. Из третьей вышел, размахивая кейсом и взглядом отыскивая – кому бы выложить то, что бурлило сейчас в моей душе.

Искать пришлось недолго: дяденька в аккуратной форме служащего «ВВ ХТСинус» в самой середине зала утолял жажду из питьевого фонтанчика. Стараясь усмирить свои чувства, я подождал, пока он пил и потом вытирал губы пестрым платочком. Лишь после этого он перевел на меня спокойный взгляд. И не позволил мне даже начать, проговорив:

– На табло над входом смотрели?

– А чего я там не видал? – поинтересовался я крайне вежливо.

– А того, что там написано еще два, да почти уже три месяца назад. Давно не пользовались?

– Так каких там чудес наобъявляли? – хмуро поинтересовался я.

– Вот таких, что с указанного там дня кабины стартуют только при полной загрузке. Десятую неделю уже. Вот шестеро пассажиров соберутся – она и сработает.

– Кому это во сне приснилось? В честь чего такие порядки?

Он медленно пожал плечами, едва не коснувшись ими ушей.

– Да что-то там такое где-то пошло враздрай. Пропадают люди по дороге, особенно если в кабине один-двое. Вроде перехвата, я так понимаю. А полная кабина, понятно, на промежуточную остановку не откликается – места все заняты.

– Какая-то хреновина с морковиной. Кто-то перед тем, как придумать такое, сильно при-
нял на грудь. Или от богатства голова вскружилась: сколько ни гребут, все мало. И долго мне
этих пятерых ждать?

Он снова выразительно подвигал плечами:

– Ну, может, к вечеру...

– Да что тут у вас – люди в землю вросли? Передвигаться перестали? Ладно, грабители.
Ваша взяла. Плачу за все шесть мест! Запускай вагон.

– Денег у тебя не хватит, – ответил местный «коллежский регистратор, взвэшной станции
диктатор» (прости уж, князь Петр Иванович!). Обнаглел.

– Ты теперь как берешь – на министерском уровне?

Странно – он почти не обиделся. Хотя и насупился, говоря:

– Ну и мысли у вас, приезжих. У вас там что – все берут? (Я ухмыльнулся.) Мы еще не так
высоко летаем. Но если я тебя одного отправлю – а мимо регистрации у нас не пройдешь, – то
меня выгонят на веки вечные. А мне еще лет двадцать тут работать. Ставка растет с выслугой,
премии, подарки по праздникам – сможешь мне все это возместить? Кишка тонка. Так что
хоть бы ты за двенадцать мест платил – ничего не выйдет. Расслабься.

– Едва собрался, – ответил я, – расслабляться мне не в цвет. Да что, в конце концов,
происходит: война, что ли, началась? Кто с кем? Или Простор штормит? Но людям же надо
передвигаться! И как же они теперь это делают?

– Ну, по-разному. У кого не горит – кучкуются по шестеро, даже списки составляют – дня
за два-три. А те, кому приспичило до последнего, сейчас больше идут на корабли. Надежнее
все же. Хотя, конечно, скорость не та.

– Сумасшедший дом наша Федерация. Корабли-то хоть летают? Или тоже стали сби-
ваться в караваны?

– Да вроде бы пока по расписанию.

После этого собеседования со специалистом я задержался на станции ровно на столько,
сколько требовалось времени, чтобы получить назад свои деньги. Вышел, остановил скользун
и велел везти меня на космодром. Благо он был недалеко от единственного в этом мире города.

4. Игры в Просторе

Кораблик оказался маленьким, от «Астракара». На Трешке гигантам, таким, например, какими располагал «Транскерн», делать было бы совершенно нечего: необходимое количество пассажиров им пришлось бы набирать полгода, а загрузить полные трюмы каким-нибудь оплачиваемым грузом удалось бы вскоре после конца света – ни минутой раньше. Тем не менее маленькие и юркие «астракары» по скорости даже превосходили великанов, и я надеялся, что собиравшийся принять меня на борт «Стриж» оправдает это название. С каждой минутой мне все больше хотелось оказаться на Теллусе побыстрее, обнять Лючану, даже если она будет отбиваться по всем правилам боевой науки, и сказать ей...

Что это происходит?

А, вот что. Я и раньше знал, что в Просторе легче настраиваться на чужие психочастоты, воспринимать чьи-то мысли и слова. На этот раз получилось не намеренно – просто совпали чувства и обстоятельства. И я услышал чье-то, неизвестно где звучащее:

...– Тина, я люблю тебя.

Такими словами Астин Крат начинал каждый свой день. И те же слышал в ответ от своей жены.

– Ну, как тебе здесь – на новом месте, в новом мире? Не скучно? Не тоскуешь по старым местам?

– Мне хорошо везде, где есть ты, Астин. Ты ведь знаешь. И, кстати, устроили нас прекрасно. Даже с зимним садом – иначе эти места казались бы мрачноватыми, правда? О нас заботятся. Хорошо, что мы остались. И будет еще лучше.

– Иначе и быть не может: они должны дорожить тобой, верно? Ну, иди: знаю, как тебе не терпится продолжить работу над расчетами. А я сразу же начну ждать твоего возвращения. Ступай. Люблю тебя.

– А я еще сильнее...

Это где-то очень далеко от Стрелы Третьей.

Вот такое я услышал и еще больше затосковал.

Ну, заранее сочинять речь я не стал, надеясь, что вдохновение само посетит меня в нужный миг. Нетерпение заставило меня переминаясь с ноги на ногу, так что другой пассажир, один из двух дюжин народа, собиравшегося покинуть Стрелу Третью одновременно со мною, неправильно истолковал мои движения и любезно указал на то помещение, которым мне, по его мнению, следовало воспользоваться. В ответ я глянул на него так, что он поторопился занять позицию в противоположном углу накопительного зала и не высовывал оттуда носа, пока не объявили наконец посадку – с опозданием, по-моему, никак не менее, чем на полторы минуты. Ну совершенно никакого порядка не было ни на Трешке, ни в «Астракаре», и вообще где бы то ни было в этой занюханной, идиотской Вселенной, в которой мне пришлось жить. Самое время пожалеть, что она у нас – единственная, существование которой можно считать доказанным. И я уже собирался высказать свои соображения по этому поводу во весь голос, но мне помешали, указав на капсулу, в которой мне и следовало провести большую часть полета.

Ну, наконец-то стартовали. Разгон и вход в прыжок прошли, по-моему, нормально; вообще-то, откровенно говоря, я за ними не следил, потому что в уме сами собой все-таки стали вдруг складываться слова моего манифеста, с которым я собирался обратиться к Лючане в первые же секунды встречи, и я подумал, что стоило бы записать их для памяти – в мик, разумеется, куда же еще. Поэтому мне было уже не до корабельных эволюций, поскольку капсулы (моя, во всяком случае) на этой скорлупе были в исправности и неизбежные перегрузки почти не ощущались пассажирами – при условии, конечно, соблюдения правил.

Речь моя (позже мне показалось, что она была в два раза многословнее и вчетверо эмоциональнее, чем следовало бы для сохранения собственного достоинства) была уже почти завершена, когда какая-то дежурная часть моего мозга просигналила, что корабль по ее, этой частицы, ощущениям ведет себя не так, как ему сейчас следовало бы.

Пришлось прервать творческий процесс и сориентироваться в реальной обстановке.

И в самом деле, что-то было не так.

На внутреннее табло капсулы, в которое невольно упирается взгляд каждого пассажира, как только он занимает место в этом гнездышке, обычно подается текущая информация, связанная с полетом: где мы, что мы, когда и куда именно намерены прибыть – и так далее. И вот сейчас на матовой пластинке светилось:

«Узел смены курса. Пассажиров убедительно просят не покидать капсул, поскольку пребывание здесь весьма кратковременно и разгон возобновится без дополнительного предупреждения и на повышенных ускорениях».

В этом ничего необычного не было. Я имею в виду предупреждение. Находясь в прыжке, иными словами – в сопространстве, ни один корабль не может маневрировать, курс там – прямая и только прямая, без всяких посторонних влияний, поскольку ни гравитация, ни другие известные нам поля в этих дименсиях хождения не имеют, что же касается неизвестных, то они нас не трогают и мы их тоже – если только не считать тех силовых линий, которыми сопространство пронизано и по которым там только и можно перемещаться. Так что курс любого корабля состоит из нескольких частей, поскольку его приходится создавать из отрезков этих силовых линий, от двух до – уж не помню, сколько таких отрезков насчитывали самые сложные и оттого не любимые капитанами маршруты. Так или иначе, для перехода с одной линии на другую необходимо оказаться в точке, называемой «узлом», и там, находясь в неподвижности (так принято говорить; сам я никогда не понимал, относительно чего мы там были или не были неподвижны, но звездоплавание – не моя специальность) и лишь поворачиваясь вокруг своих осей, продольной и поперечной (или килевой и бортовой, как любят говорить самые юные и форсистые мичманы), настраиваться на линию нужного направления и разгоняться снова. У опытных шкиперов с хорошо отлаженной автоматикой это занимало минуту-другую; пассажиры по большей части и вовсе ничего не замечали, предпочитая все время полета отсыпаться в капсулах за былые недосыпы и в предвидении предстоящих, тем более что судовые компании предоставляли пользователям неплохие подборки снов. Ну ладно, я не спал, но что же послужило причиной возникшего внезапно беспокойства?

Понадобилось на миг сосредоточиться, чтобы понять: часы!

Я имею в виду те часы, что видны были в капсуле на том же табло и показывали два времени: собственно часы – конвенционные дату и время, и секундомер, отмерявший только время выполняемого в этот миг маневра, а когда маневров не было, на этой шкале виднелись одни нули. Так вот, сейчас секундомер работал и – если только он не перебрал лишнего накауне, во что я никак не мог поверить, – недвусмысленно показывал, что вместо обычных двух, от силы трех минут «Стриж» висел в узле все десять, и уже вприпрыжку бежали секунды одиннадцатой.

И тут мое терпение, самому мне казавшееся бесконечным, окончательно иссякло, и показалось его сухое дно.

Ну, на то у него были основания. Все, ну буквально все на свете стоворилось задержать мое возвращение домой как раз тогда, когда мне так хотелось оказаться там, как еще никогда в жизни. Никому не нужный отчет. Чертовы капризы владельцев ВВ. И даже тут, в Просторе, они настигли меня – и заставили корабль терять время. Пусть бы они теряли свое время, меня это не тронуло бы; но они расходовали, крали, теряли МОЁ!

Ну ладно, недоноски. Держитесь. Я разъярен. Я страшен!

Не желая терять более ни мгновения, я отпер капсулу. Откинул крышку. Ступил на палубу. И направился напрямик в рубку. Никто не смог остановить меня; вернее – не смог бы, если бы попытался. Но никто и не пробовал: пассажиры спали, а команда располагалась по своим местам.

Перед самым входом в запретное для любого пассажира корабельное святилище я все же умерил шаг: мне не хотелось, чтобы мое вторжение – оказался оно слишком стремительным – было принято за бунт на корабле. Я не желал бунтовать. Я просто хотел домой! И имел на это все права!

Но, похоже, войди я даже с шумом и грохотом, на это никто не обратил бы серьезного внимания. Потому что все оно было отдано тому, что рисовалось на обширном ходовом экране – чуть повыше пульта. А те частицы внимания, какие еще оставались у пятерых занимавших свои места судоводителей, были разбросаны по приборам. И второй пилот справа за пультом негромко, но четко произносил в миг моего появления:

– Плюс восемнадцать – девять. Семнадцать – девять. Семнадцать – восемь. Шестнадцать – восемь...

– Нет, ты посмотри, что он делает!

Этот едва ли не вопль был исторгнут из шкиперских уст не отсчетом штурмана, но тем, что каждый из них, – а также и я – мог видеть и действительно видел на экране.

То был не более и не менее как военный корабль. Украшенный всеми знаками и символами Военного Космофлота Федерации.

Он находился почти точно на курсе «Стрижа». А поскольку наше транспортное средство продолжало медленно доворачиваться до места, а улиткой ползущая по координатной сетке силовых линий красная фигурка «Стрижа» соответственно приближалась к белому кружку со стрелкой на этой же сетке, означавшему именно то место и направление, откуда и куда нам и предстояло разогнаться для выхода на второй (и последний) маршрутный отрезок, то получалось так, что крейсер, в свою очередь понемногу перемещаясь в том же самом направлении, намеренно или нет создавал препятствие для продолжения «Стрижом» полета.

– Шкипер! – послышалось со стороны крайнего слева поста. – Принят ответ с крейсера.

Ага: проблема, выходит, уже обсуждается. И на том спасибо.

– Огласи.

– «Требуем сообщить миры старта и назначения, состав груза, количество и список пассажиров, а также судовую роль. Капитан».

– Просто «капитан»?! Без имени?

– Именно так.

– Ответ: «Следую Стрела Третья – Теллус, груз генеральный, пассажиров двадцать. Предоставление списков возможно лишь по обоснованному требованию представителя Космобеза. Вторично требую освободить линию для маневра». Подпись моя.

Я подумал, что пришла пора вмешаться.

– Капитан, – проговорил я негромко. Эффект, однако, был таким, как если бы я рявкнул во все горло.

– Вы кто? – Шкипер резко повернулся ко мне. – Пассажир?? Немедленно выйдите вон! Вернитесь в капсулу! Вон отсюда, я сказал!

И, видя, что я не собираюсь тут же выполнять команду, добавил:

– При неповиновении применю оружие!

– Если только крейсер не сделает этого раньше, – ответил я и подчеркнуто медленно повернул голову к экрану.

Потому что я успел уже заметить то, чего они еще просто не могли увидеть: четыре носовых стационарных дистанта, чей синхронный импульс был в состоянии испарить астероид – хотя и не из крупных, конечно. И сейчас два из них уже заканчивали накачку. Через считанные

секунды они будут готовы к бою. Простым зрением увидеть это отсюда даже очень опытный человек сможет только когда оружие примет полный заряд. Но третий глаз способен наблюдать весь процесс – как и многое другое.

Шкипер собирался сказать мне еще что-то и даже сделал движение, словно собираясь выхватить оружие – впрочем, всего лишь пистолет, офицеры торгового флота не вооружались чем-нибудь более современным; но, в конце концов, и пулей, пусть и несерийной, можно вывести противника из строя и даже убить. Не знаю, всерьез ли он собирался открыть огонь; вообще-то вряд ли, но возникшая ситуация, похоже, уже успела вывести его из равновесия. Однако еще один возглас парня, сидевшего на связи, помешал капитану осуществить подобное намерение:

– Шкипер, ответ!

И прочел, не дожидаясь команды:

«Примите десант для проведения досмотра пассажиров и груза. Отказ будет сочтен враждебным действием».

Шкипер выругался. А я сказал, не дожидаясь, пока он сам вновь обратит на меня внимание:

– Капитан, два его дистанта вышли в рабочий режим, и мы под прицелом.

Шкипер недоверчиво поднял брови, но вмешался штурман, тоже наконец увидевший опасность:

– Шкип, и правда: оба нижних у крейсера разогреты.

– Он не имеет права... – начал было штурман.

– Капитан, – рискнул я прервать его. – У него есть право сильного. Вы что, не понимаете, это пират!

– Да бросьте! Это корабль федерального флота, но почему он...

Да, это был военный корабль Федерации. Но какое-то время тому назад он – клянусь своим везением – перестал быть таковым. Я мог бы прочесть этим ребятам длинную лекцию по Уставу дозорно-космической службы, где был, кроме всего прочего, детально разработан ритуал досмотра, начиная с текста первого предупреждения и кончая применением оружия. А прочитав – доказать, что устав не был соблюден ни в единой его букве, чего никогда не позволил бы себе офицер военного космического флота: все они, как известно, великие любители и хранители ритуалов и почитатели всех уставов, сколько бы их на флоте ни существовало. Я мог бы, да; только не оставалось времени на общее образование торгашей.

– Если промедлите еще секунду, – вот все, что я мог сказать, – то в два счета сможете убедиться, что я прав.

– Шкип, крейсер выпустил катер в нашем направлении.

– Сукин сын... – только так и отреагировал капитан. – Ну ладно... Всем по местам стоять!

Вернее, конечно, сидеть в удобных противоперегрузочных креслах. Только для меня, к сожалению, в рубке такого не оказалось: экипаж был в полном составе..

– К срочному выбросу!..

Дальше слушать я не стал. Мой мик поспешил подсказать мне, что выполнение этого действия, то есть срочного выхода из сопостранства в нормальный Простор, маневра рискованного, но порой необходимого, требовало трехсекундных подготовительных действий. Успею я за три секунды?..

Я мчался к своей капсуле в пассажирском отсеке с такой скоростью, с какой никогда в жизни не бегал – и, наверное, никогда уже не буду. Ноги работали сами собой, а мик бесстрастно ронял:

– Одна... две... три...

Еще полсекунды, ну!

– Четыре...

Я прыгнул, влетел в капсулу, захлопнул крышку.

– Пять...

Что они, передумали, что ли?..

Нет, на табло светится: «Срочный выход!».

Ага, поехали!

Можно было облегченно вздохнуть. И пропеть славу ленивцам, сачкам и филонам. Собственно, только на это я и мог рассчитывать: экипаж маленького «торгаша» вряд ли был тренирован на военном уровне. Этот маневр предпринимался крайне редко, и с самого начала ясно было, что в положенные три секунды ребятам не уложиться; хорошо, если в шесть. Так и получилось. Иначе меня размазало бы по палубе и экипажу пришлось бы устраивать большую приборку в неурочное время. В эти самые шесть секунд крейсер мог бы понаделать из нас кварков; но то ли вояки пожалели нас, то ли пренебрегли, а может, у них что-то в нужный миг не сработало – бывает и такое. Ну и слава богу, что так.

Остальное представлялось мне более или менее ясным: в нормальном пространстве придется, выбрав предпочтительное направление, уйти в новый, сверхплановый разгон и нырок, отыскать другой узел в сопространстве и уже оттуда брать курс на Теллус. С этим экипаж, как я надеялся, справится без особых трудностей, потому что подобное было его повседневной работой.

Так оно в конце концов и получилось. Но снова было потеряно время. И мое стремление поскорее оказаться дома уже пылало, раскаленное добела.

«Стриж» сел на Африканской платформе. Но на Теллусе, похоже, внутренняя ВВ-транспортровка работала без сбоев. Я дружески попрощался с экипажем; прочие пассажиры были недовольны опозданием, не понимая его причин – поскольку все приключение (сейчас это уже казалось мне приключением, чуть ли не забавным) они мирно проспали в капсулах.

Еще несколько минут – и я вышел из той самой кабины, в которую входил, совершая побег на Стрелу Три, – на Теллусе, в двух шагах от дома.

Сам собою вырвался облегченный вздох: тут все было в порядке, и это успокаивало и обнадеживало, подсказывало, что старая и добрая жизнь вернется и ко мне – с Лючаной, конечно. Все урегулируется.

Я еще поглядел вокруг, чтобы окончательно убедиться. Да, все в порядке – разве что какие-то из рекламных табло успели смениться, но это происходит каждую неделю. Что нового предлагают? Да всякую всячину. И в том числе – иммиграцию в мир Улар. Оставалось только пожать плечами. Кто слышал когда-нибудь о таком мире? А в общем – мне-то какое дело? Я мигрирую к себе домой. И только. И никуда больше.

5. Старуха в углу

Старуха сидела на полу в самом углу, подобрав под себя ноги, низко уронив голову, так что подбородок упирался в высохшую грудь. Казалось, она никак не воспринимала окружающее ни зрением, ни слухом, но ощущала себя в каком-то другом мире, виртуальном, в котором с кем-то, наверное, общалась, что-то видела и что-то слышала. Во всяком случае, так можно было бы подумать, понаблюдав за нею некоторое время и заметив, как начинают шевелиться ее губы, словно произнося что-то, но совершенно беззвучно. Через минуту-другую губы останавливались, какое-то время проходило без единого движения, а затем губы снова начинали повторять те же самые действия – и точно так же без какого-либо видимого успеха. Без успеха – потому что если бы какой-то результат был, то в следующий раз губы стали бы артикулировать что-то другое, иные комбинации, – на деле же повторялось все то же самое. Похоже было, что старуха намеревалась заниматься этим до бесконечности; она не отрывалась от этого занятия и не меняла позы даже ради того, чтобы съесть что-нибудь или выпить, хотя и металлическая миска, и такая же кружка находились в двух шагах, на столе, стоило только (если не хватало уже сил встать на ноги) хотя бы на коленях приблизиться к столу и протянуть руку. Старуха, однако, то ли пренебрегала этим, то ли в ее мире не было ни белого лабораторного стола, ни всего того, что на нем располагалось (кроме еды и питья, два странных инструмента, более всего смахивавших на обычные медицинские инъекторы, только не прозрачные, а сплошь металлические, без разметки доз, зато с круглой шкалой на торце; три стрелки на ней, разной длины и цветов, были сейчас неподвижны; и еще – обычный электронный хронограф, подключенный к разъему на стене, у которой стол и стоял). Возможно, всего этого помещения, походившего на простенькую, едва ли не школьную или же принадлежащую провинциальной больничке лабораторию, в сознании старухи просто не существовало, оно было вытеснено чем-то другим. При условии, разумеется, что существовало само сознание.

Пауза кончилась, губы снова начали выполнять свою программу...

– Все сигналит, – сказал человек в комнате этажом выше, в очередной раз поглядев на монитор. – Пора бы уже понять, что нет смысла. А то мне, откровенно говоря, она уже начинает действовать на нервы.

– Я думаю, – ответил второй присутствующий, – она просто молится. В ее ситуации в голову вряд ли пришло бы что-то другое.

– В принципе я готов с этим согласиться – если она еще способна мыслить здраво. Но как раз в этом я сомневаюсь. Сколько там сейчас?

– Восемьдесят семь, – прозвучал ответ после того, как второй присутствующий бросил беглый взгляд на хронограф.

Первый только покачал головой:

– Цепкость воистину неимоверная. Сколько мы ей там оставляли?

– Выкачано было... Да практически все – у нее должны были остаться считанные дни. Но ведь вы лучше меня знаете, доктор: выкачать досуха пока не удастся, да и емкость мы определяем еще с недостаточной точностью. Ничего, научимся и этому – кстати, техники сейчас как раз занимаются этой приборной группой.

– Пока они еще чего-то добьются... Надо еще раз подключить ее – и качать до тех пор, пока она не протянет ноги. Там же работы осталось если не на какие-то минуты, то самое большее на час-два. Займитесь-ка этим, Сегот.

Второй, после недолгой паузы, проговорил медленно:

– С вашего письменного распоряжения, кан.

Первый удивленно повернулся:

– Что такое? С каких это пор...

– Она не под смертным приговором. И вообще – никакого приговора нет.

– Друг Сегот! Что делают с лабораторным животным, когда его роль в эксперименте сыграна? Как правило, усыпляют. И тут речь идет о том же самом. Она и не почувствует, как навеки уснет – вследствие полного исчерпания ресурса. Найдите-ка, в чем я ошибаюсь. Ни в чем.

– Если только считать, что человек равнозначен животному. О животных давно существует свод правил, определяющий, что можно и чего нельзя. А что касается людей, кан Тазон... А кроме того, у нас же нет заказа на результат.

Названный таким именем вздохнул:

– Честное слово, развеять ваши сомнения – задача примитивная настолько, что мне жаль тратить на нее время. Ладно, не хотите – обработаю ее сам. А что до ваших слов относительно заказа – результат пока не столь велик, чтобы о нем следовало специально докладывать. Мы и не станем. Просто-напросто воспользуемся полученным сами. И мне, да и вам, это не мешает. – И Тазон не без усилия поднялся со стула. – А вы понаблюдайте отсюда – дабы убедиться в том, что я сделаю это совершенно спокойно и аккуратно. И чтобы в будущем вы не затевали дискуссий по пустяковым поводам.

– Разумеется, кан Тазон. Я буду очень внимателен. Собственно, я могу даже проассистировать вам, поскольку это находится в пределах моих обязанностей...

– Отсюда вам будет виднее. Вы что, всерьез считаете, что мне там понадобится помощь – пусть и такая ценная, как ваша?

Сказав это, доктор Тазон повернулся и вышел из комнаты решительными, хотя и тяжеловатыми шагами.

На звук шагов вошедшего старуха даже не повернула головы. Тазон остановился в метре от нее.

– Мадам! – произнес он четко и громко, как обращаются к людям с нарушенным слухом или вообще восприятием. – Перестаньте бормотать. Пора бы уже понять: в каких бы полях вы ни пытались работать, ни единый квант излучения не пробьется сквозь эти своды: у нас великолепная защита. Никто и никогда вас не услышит.

Не увидев никакой реакции на свои слова – впрочем, доктор Тазон на нее и не рассчитывал, – он повернулся, подошел к столу, взял прибор, напоминающий инъектор, и стал внимательно его осматривать, нажимая на кнопки, проверяя работу на холостом ходу. И продолжал, не умолкая – может быть, потому, что при всей его кажущейся уверенности чувствовал себя немного не в своей тарелке и непрерывная речь была нужна для успокоения самого себя, а вовсе не старухи, скорчившейся в углу.

– ...А потому бесполезно ожидать, что в вашу судьбу вмешается сказочный благородный рыцарь, одолеет всех и освободит вас. Да если бы такое и приключилось – что бы он стал делать с вами, красавица? Конечно, если он геронтоман... Тогда вам крупно повезло бы... хотя скорее ему следует быть некромантом, поскольку в самое ближайшее время...

Сделав три шага, доктор Тазон, держа инструмент в руке, приблизился к старухе вплотную.

– Ну, вот и я, прелестная. Пришла, как говорится, пора. При всем нашем восхищении вашей цепкостью и, так сказать, волей к жизни...

Надо было, чтобы руки перестали мелко дрожать. Да ну же!.. Хотя промахнуться было бы сложно: точка отъема на ней поставлена несмываемой краской. Ну вот, кажется, можно начинать. Только уж очень неудобно она уселась.

– Поднимите головку, драгоценная. Вы слышите? Голову, я говорю! Никакого терпения не хватит, честное слово! Ты, карга старая, я с тобой разговариваю! Подними голову!

Реакция оставалась прежней, вернее – полное ее отсутствие.

– Ну, не хочешь по-хорошему – пеняй на себя!

Доктор Тазон нагнулся. Схватил старуху за волосы. Рванул вверх...

– А-а-а... Оо!

Наверху Сегот, ассистент доктора Тазона, встрепенулся.

– Ну и ну... – только и смог пробормотать он, не в силах оторваться от монитора, словно надеясь, что изображение сейчас же даст задний ход, вернется к своему началу – и дальше пойдет уже совсем другая картинка. – Куда же это она ему угодила, а?..

На самом деле он отлично видел куда: в самое уязвимое у мужчины место. Эх, хорошо было Ахиллу: у него таким местом была пятка, а у доктора Тазона, как и у любого другого, повыше, и она ухитрилась попасть ногой именно туда, куда следовало, – то есть, конечно, куда не следовало, черт бы побрал!.. Ох, как он корчится, бедняга! Откуда только у нее взялось столько силы для такого удара – прямо скажем, профессионального? Хотя от женщины в любом возрасте всегда можно ожидать чего угодно...

Только когда все эти обрывки мыслей – в колонну по одной – прошагали в расстроившемся сознании ассистента, он спохватился и пулей вылетел из комнаты – оказать своему шефу первую помощь. Однако по дороге подумал, что такой же прием, чего доброго, может ожидать и его самого; поэтому он остановился, вернулся в ту комнату, откуда только что выбежал, и срочно вызвал охрану и медика.

Впрочем, Сегот опасался напрасно: когда помощь ворвалась в лабораторную камеру (наверное, такое название этого помещения будет самым правильным), старая дама снова сидела в своем уголке в той же позе, и губы ее все так же беззвучно шевелились. На вновь появившихся она не обратила совершенно никакого внимания. Поэтому ее трогать не стали. Охранники погрузили на принесенные носилки медленно приходившего в себя доктора Тазона и немедленно убыли, направляясь в медицинское отделение.

Только когда за ними захлопнулась тяжелая дверь, в камере возник новый, неожиданный звук. Он скорее всего напоминал каркающий, злорадный смех. Кроме старухи, тут никого не оставалось, так что приходится предположить, что смеялась именно она.

6. Вратарь-заика

Ровно три месяца назад я вышел из этого подъезда. Долгое отсутствие? Да нет, пожалуй, не очень.

Может быть, мне следовало как-то предупредить Лючану о том, что я спешу к ней, исполненный раскаяния, посыпая голову пеплом? Получить соединение по ВВ-информу было парой пустяков даже на Трешке, а уж тут, на нашей станции, можно было воспользоваться любым видом связи. «Да, скорее всего, надо было известить ее, – так размышлял я, шагая к дому, и чем ближе он становился, тем медленнее становились мои шаги. – Но я этого не сделал. Почему?»

Ответ был мне ясен еще до того, как я сформулировал вопрос. Да потому, что я боялся. Я мог поступить двояко: послать сообщение – или просто позвонить и поставить ее перед фактом. У каждого способа были свои достоинства и недостатки. На письменное сообщение она могла обидеться или, во всяком случае, истолковать неправильно: решила бы, что я до сих пор не желаю с ней разговаривать, – и сама настроилась бы соответственно. А если предпочесть голосовую связь – как знать, какое воздействие оказал бы на нее мой неожиданно прорезавшийся голос? Могло ведь получиться и так, что она захотела бы продолжить разговор с того самого места, на каком он прервался три месяца тому назад? Я отлично помнил, что в тот раз наше общение завершилось свинцово-тяжелым молчанием; вот и сейчас – что бы я стал делать, если бы Лючана, услышав меня, просто дала бы отбой? Да я не решился бы после этого показаться в дверях! Снова кинулся бы к ВВ – и опять на Стрелу Третью. Нет уж: лучше появлюсь неожиданно; пусть увидит меня – и по моему облику сразу поймет, что я пришел с повинной: настолько-то уж она меня знает. Итак...

Это «итак» означало, что я уже стою перед собственной дверью, почему-то вцепившись в свой непременный кейс, словно утопающий в спасательный круг, и безбожно медлю перед тем, как приложить ладонь к замочной пластине и предъявить глаза крохотным стеклянным зрачкам на внешнем выходе Вратаря. Набираясь храбрости, я сделал три полных вдоха и лишь после этого выполнил необходимые операции. Мгновение – и дверь передо мной распахнулась.

В прихожей царил мертвая тишина – во всяком случае, на протяжении той пары секунд, что требовались Вратарю для полной моей идентификации; то была процедура, неизбежная после любой более чем месячной отлучки. Потом прозвучало привычное, все так же невыразительное, да еще и с запинкой:

– Привет, хозя...

Его слова сразу же заставили меня насторожиться. Вратарь начал заикаться после той схватки, что произошла здесь в самом начале прошлой операции, о которой я уже не раз упоминал – и, наверное, еще буду. Мы обнаружили это, вернувшись в родные стены после завершения дела. Но ведь это было давно! Ну ладно, тогда мы начали восстановление семейного гнездышка с других работ; но ведь за три месяца, что меня здесь не было, могла же Лючана наладить у Вратаря акустический блок, вернуть ему нормальное произношение, чтобы он не проглатывал звуки.

Могла – но не сделала. А это уже вызывало если еще и не беспокойство, то во всяком случае некоторое недоумение. Потому что на Лючану такое действие, а вернее – бездействие, никак не походило. Она всегда чувствовала себя хозяйкой, а любая нормальная хозяйка не терпит беспорядка и неисправностей в своих владениях и старается устранить их как можно скорее. Нет, что-то не так было в нашем доме.

– Привет, Вратарь. Где хозяйка?

– Хозя... на ...ходе.

Иди теперь пойми его: на выходе? На подходе?

– Уточняю вопрос. Она дома?

– Хозя... не...ма.

Что скорее всего следовало реконструировать так: «Хозяйки нет дома».

Что же, это, наверное, не так уж плохо. До ее прихода я должен освоиться – почувствовать, что я действительно у себя дома и тут я – хозяин положения. И когда она придет – я встречу ее, а не она меня; в этом есть немало плюсов.

– Хорошо. Спасибо за информацию.

И я вошел в жилую часть. Двинулся, заглядывая во все двери подряд – чтобы убедиться, что все в порядке и мне не грозит обнаружить в ванной чужую бритву или в спальне – мужские пантуфли неизвестного происхождения. Могло ведь и такое предположение быть, верно?

Вещей неизвестного происхождения я не обнаружил и почувствовал, как основательный валун скатился с души. Но только один. А еще сколько-то их продолжало громоздиться на моей психике.

Потому что с каждым шагом и взглядом я все более приходил к невеселому выводу: здесь, в нашем с Лючаной доме, уже некоторое время никто не жил. Никто – иными словами, тут не жила она.

Начать с того, что уровень порядка, а вернее, беспорядка, против ожидания все еще царившего здесь, не изменился. Во всяком случае, практически. А это означало, что за минувшие три месяца Лючана и пальцем не пошевелила, чтобы сделать наше обиталище пригодным для нормальной жизни – такой, к какой мы привыкли.

Но трудно было представить, что она могла столько времени прожить в такой непотребной обстановке, ничего не сделав для того, чтобы восстановить, хотя бы в основном, обычный уют. Нет, не могла. Ну, пусть не все, не до мелочей, но хотя бы...

Хотя бы выкинула то, что более или менее обгорело, когда по мне тут пытались вести огонь. Мы тогда успели ликвидировать только то, что просто резало глаза, но оставалось еще достаточно. Хотя бы избавилась от осколков битой посуды: они еще при моем участии – как раз вечером накануне нашей ссоры – были приготовлены к эвакуации и так и остались лежать около мусоропровода. Хотя бы... Ох, да тут без конца было всяких «хотя бы»!

Вывод: она так или иначе перестала жить здесь почти сразу после того, как сбежал я. Не захотела – или не смогла? Или?..

Может быть, после случившегося тогда разлада стены стали давить на нее с такой силой, что ей было трудно здесь оставаться. То есть она решила сменить обстановку точно так же, как сделал это я, и, быть может, таким же способом? Так выглядел первый из выстроенных мною вариантов.

Второй был не лучше: она заболела. Причин для этого имелось более чем достаточно: участвуя в операции, она устала не меньше, а может быть, даже больше моего. И когда к этому прибавился неизбежный стресс, результат нашей с ней... нет, размолвкой это не назовешь, нашей ссоры, скандала... здоровье не выдержало. И она свалилась.

Никогда, никогда не прощу себе этого!

И, наконец, третья гипотеза: кто-то хотел отыграться на ней за провал замысла «Уракары». Вернее, отыгрываться-то следовало прежде всего на мне, но меня тут не оказалось, а ее участие в операции вряд ли оставалось секретом для тех, кто серьезно интересовался той историей. Нагрянули, схватили, похитили и...

Я еще раз прогулялся по нашему жилью, на сей раз уделяя все внимание тем вещам, которыми в нормальной жизни пользовалась – преимущественно или исключительно – только она.

Ее половина гардеробной; вообще-то, конечно, ее «половина» занимала более двух третей места, но это и естественно. Собираясь куда-то, человек, в зависимости от цели своего выхода, берет с собою разные, достаточно определенные наборы. Отдохнуть – одно, гульнуть –

другое, делать, скажем, закупки – третье, а уходя навсегда – все подчистую. Как же собралась она сейчас?

Одежда: все вечернее – здесь, вряд ли в мое отсутствие она стала всерьез обновлять свои наряды. Хотя, конечно, могло быть и так. Вырвать память с корнем! Но... но вот это платье она не оставила бы ни за что. Потому что в нем она была, когда... Это уже не просто тряпка, это часть биографии. Нет, взяла бы, точно. Тем более что его можно просто засунуть в карман.

Как и этот вот пеньюар – ее любимый, в котором она выглядела просто потрясающе; даже сейчас при одном виде его у меня началось шевеление в организме. Нет, без него она не тронулась бы с места, если только...

Если только не собиралась возникнуть где-то не в своем естественном, а в каком-то другом облике. На что была мастерицей.

Обувь? Чего не хватает из того, что я помнил? Я всмотрелся и просканировал пару за парой, загибая пальцы для верности. Выходная – здесь. Спортивная, домашняя – тут. Теплая – на месте? Нет, не хватает зимних сапог. Нет и дорожных туфель – глухих, на низком каблуке. Так.

Ну а косметика, побрякушки – все такое?

Взято – насколько я могу судить – только самое необходимое – с точки зрения женщины, конечно. Малый набор леди.

С одной стороны, это вряд ли говорит о похищении. Хотя...

Во всяком случае, однозначного решения я пока не увидел.

Я быстро, почти бегом, достиг своего кабинета. Окликнул Вратаря:

– Когда ушла хозяйка? Не отвечай голосом, выведи на дисплей.

«За 2136 часов до текущего» – таким оказался ответ.

Я прикинул. Получалось, она исчезла в тот же день, что и я, – возможно, лишь несколькими часами позже.

Так. Ладно – будем искать.

Я задал поиск по больницам. По всем. И, после колебания, по моргам.

Даже для нашей техники это требовало времени. И пока компьютер работал, я открыл свою нелегальную установку ВВ-связи и запустил поиск ее ЛК – личного кода – по всей планете.

После этого я попытался найти что-нибудь для утоления голода: внезапно оказалось, что я хочу есть. Но уже заранее ощущалось, что в доме ничего не обнаружу. Так и получилось. То небольшое, что оставалось в холодильнике, вряд ли стал бы пробовать даже умирающий с голоду. Придется делать заказ, его доставят через полчаса – если транспортная линия работает. Хотя она на кухне, а до кухни тогда военные действия не докатились.

Я уже приготовился было набрать нужный код, но в это время стали появляться результаты поисков.

В больницы – не поступала.

В морги – не поступала.

«Неопознанные», – скомандовал я. Голод как-то сам собою утих. Потому что все во мне сконцентрировалось на просмотре изображений. После первой сотни я понял, что эта работа не по мне. И задал сравнение по заложенной в компьютер тридиграфии Лючаны.

Пока компьютер трудился, я получил ответ по ЛК.

Ответ гласил: на Теллусе заданный номер не обнаружен.

«Ну-ну, – только и подумал я. – Все-таки как мы с нею похожи друг на друга! Даже когда делаем глупости».

У меня к тому мгновению уже полегчало на душе, потому что компьютер сообщил: среди неопознанных в больницах искомое лицо не обнаружено и не поступало. Среди неопознанных тел в моргах не обнаружено и в запрашиваемый период времени не поступало.

Значит – жива? Ну слава тебе, господи! Просто удрала с планеты, как и я. И наверняка – на другой конец Галактики, инстинктом угадав, в какую сторону кинусь я. Хотя и удрала как-то уж очень налегке.

Пришлось задавать поиск ЛК по всей Федерации. А время шло. Текло. Улетало безвозвратно. Я ждал. И мне стало уже всерьез казаться, что Лючана где-то терпит бедствие, ей нужна моя помощь – а я даже не имею представления, в какую сторону кинуться...

Надо использовать все возможности, – эта мысль настойчиво стучала в виски. Но разве я делаю не все? Осталось еще что-то? О господи, да, конечно! Вот уж не думал, что могу настолько отвыкнуть от собственного дома!..

Я снова – уже во второй раз сегодня – кинулся к древнему секретеру, под крышкой которого, позади полки с коллекционными изданиями, проделав необходимые действия, то есть раскрыв нужный том на... Черт, опять вылетело из головы – какое сегодня число? Шестое? Значит, на шестой странице, как и полчаса тому назад, приложил большой палец к красной, готических очертаний буквице. Полка послушно уехала вниз, и передо мною опять оказался пульт ВВ-информа. Но на этот раз я не стал отправлять никаких сообщений и не сделал ни одного заказа. Сейчас мне требовалось другое.

«Хорошо, – думал я. – Уходя из дому, разобиженная Лючана не оставила ни строчки, ни слова для меня; что же, это можно понять: все ведь происходило впопыхах, под сильнейшим давлением глубоко оскорбленного чувства, но никак не здравого смысла. Но это ведь вовсе не значит, что она не переговорила, прежде чем исчезнуть, с кем-то другим: попросила помощи, убежища или хотя бы совета. Вот мы сейчас и попытаемся установить – с кем же ей пришлось в голову переговорить?»

Все, что проходило у меня по ВВ – и входящие, и исходящие сообщения и разговоры, – аккуратно записывалось. Поскольку, когда мы были в делах и, значит, часто отсутствовали, – необходимо было держаться в курсе того, кто и почему интересовался нами – вместе или по отдельности, все равно. Ну-с, так какие же сюрпризы приготовил мне неодушевленный клерк?

Я установил ту дату, то проклятое число, когда все полетело вверх тормашками и я сбежал. Искали ли меня таким способом? А главное – искали ли Лючану, и еще важнее – искали ли, и кого именно, она сама?

Предчувствие не обмануло: сюрпризы и в самом деле были.

И относились они прежде всего к тому самому дню.

Почти через полтора часа после моего ухода кто-то открывал мой канал. Меня не было, и вызывавший отключился, не назвавшись и не изложив своего дела. Кто же это был? Определитель... Вот так раз: никакого следа. Хорошо закрытая линия. Таких не так уж много в нашем мире. Возьмем на заметку и пойдем дальше.

Кстати: а почему не воспользовались связью, чтобы найти меня? Тогда я ведь еще не успел принять никаких мер предосторожности.

Объяснение простое: я кому-то понадобился – срочно и здесь. Раз меня тут не оказалось, искавший наверняка (если его дело было действительно серьезным) запустил поиск, но как раз в это время я мог находиться вне регистрации: уже на Трешке, но еще не успел вступить в контакт с тамошними властями даже и местного уровня. Мог существовать и другой вариант: просто на Стреле Третьей я не был им нужен, вот и все.

Так-с. Что же произошло потом?

Опять интересно. Через полчаса – повторение того же вызова – и снова отбой. Выходит, тогда я всерьез кому-то понадобился. И с чего это я так страшно заторопился? Ну ладно, что сделано, то...

Стоп. Новая запись. Что там?

Нет. Это не меня ищут. На этот раз связь идет отсюда. Иными словами – действительно, Лючана обратилась к... к кому же? Уж этот-то код никуда не девался?

Он и в самом деле сохранился. Теперь можно было бы запросить его принадлежность. Если бы...

Если бы в этом была хоть малейшая надобность. А ее не было. Потому что этот код я знал уже давно – и не хуже, чем свой собственный.

Во-от, значит, как...

Лючане ответили. И разговор начал разматываться.

Я слушал, не пропуская ни слова и, на всякий случай, записывая его в память моего мика.

Мне больше и в голову не приходило – заказать еду. Я понял: пока не выясню, что и как за этим разговором последовало, – кусок в горло не пойдет.

А тут наконец и Федеральный поиск закончился. Ответ был по меньшей мере странным, хотя я уже заподозрил, что именно таким он и окажется:

«Искомый ЛК не погашен, однако установить местонахождение сейчас не представляется возможным».

Ага. Вот, значит, какие пироги.

Ну, что же. Кое-что я уже понял и еще что-нибудь пойму в ближайшее время: остается лишь найти хоть какие-то подтверждения своей гипотезы.

Я вышел в коридор. Открыл стенной шкаф, чтобы водворить на место мой оперативный кейс прежде, чем выйти на улицу: не столько потому, что сейчас он мне вряд ли понадобится, но главным образом по той причине, что с ним меня просто не впустили бы туда, куда я вознамерился попасть.

И только тогда мне пришло в голову то, что должно было возникнуть в самом начале. То самое подтверждение гипотезы.

В этом отделении шкафа наши оперкейсы всегда стояли рядом. И когда я хватал свой, убегая из дому, ее кейс оставался на своем месте – в соседнем гнезде.

Сейчас я водворил свой на место. И тут только до меня дошло, что ее снаряжения на месте нет.

Значит, уходя, она взяла его с собой.

А это могло – должно было – иметь определенное значение. Иными словами, услышанный мною разговор трехмесячной давности получил дальнейшее развитие.

– Вратарь!

Он не ответил. Просто не услышал: микрофон связи – тот, что был в коридоре, – тоже остался незамененным со дня начала той операции. Пришлось спросить уже из прихожей:

– Кто сейчас ведет дом? Текстом!

Он нарисовал незамедлительно (хоть эти его узлы остались невредимыми, и на том спасибо!):

«Хозяйка передала управление мне».

– Сколько раз она выходила в тот день?

«Два раза. В двенадцать семнадцать, вернулась в тринадцать пятьдесят пять. И второй раз в четырнадцать тридцать. Еще не вернулась».

Это я и сам видел – что не вернулась...

Вот и последнее доказательство – того, что Лючана ушла, покинула свой дом по собственной воле и в здравом уме. А то, что не оставила мне никакой весточки – ни на бумаге, ни в записи, ни у Вратаря для передачи мне, говорило лишь об одном: после состоявшегося раз-

говора она продолжала думать обо мне все так же, как и в предыдущую ночь и ранним утром, закрывая за собою дверь.

Хотя – только ли по этой причине?..

Сейчас я окончательно понял, куда пойду и с кем и как буду разговаривать.

– Береги дом! – сказал я Вратарю на прощание.

– Да, хозя, – послал вдогонку мне косноязычный бедняга.

Я выскочил на улицу. Вместо стволов армагской чинкой вдоль тротуаров сейчас стояли какие-то другие деревья. Но на это мне было уже наплевать.

На рекламном щите, нависавшем над проезжей частью, картинка сменилась; теперь горнолыжник в полном снаряжении и с улыбкой от уха до уха призывал: «Вас ждет Улар! Чудесная природа, высокие заработки, спокойная жизнь! Почему вы еще не там? Время уходит!» На это мне было тем более наплевать.

Так я в тот миг подумал.

7. Старый друг – лучше новых двух?

Генерал Иванос, первый заместитель директора Службы и человек, с которым мне приходилось не раз работать плечом к плечу в очень непростых условиях, не отрывал глаз от пластинки моего разового пропуска (который мне согласились выдать далеко не сразу; три месяца – срок пусть и не очень большой, но каждая новая задача невольно оттесняет все предыдущие, уже решенные, на все более дальние рубежи памяти, так что меня вспомнили только с большим усилием). Иванос вроде бы выискивал на глянцевах поверхностях карточки что-то, впечатанное, может быть, невидимой краской и способное помочь ему найти нужный тон – или уровень откровенности в разговоре со мною.

Это продолжалось уже больше минуты – после того, как я изложил ситуацию и спросил прямо: что ему известно о Лючане, ее местопребывании и вообще обо всем, что могло быть с нею связано, а если и неизвестно ничего, то что он может предположить? И вот он молчал и пытался вычитать нужный ответ с моего пропуска; так, во всяком случае, это выглядело.

– Да нет там ничего! – произнес я намеренно резко, чтобы заставить его сказать хоть что-нибудь. – Посмотри на меня! Прояви хотя бы чуть-чуть официальной вежливости, если уж на большее тебя не хватает!

Как бы повинувшись, он перевел взгляд на меня. Чуть поднял брови. Это, насколько я его знал, означало, что генерал колеблется, делая какой-то выбор. Уж и не помню, когда такое приключалось с ним в последний раз. Давно. Он вздохнул и заявил:

– Слушай, Ра, я вроде не давал согласия стать поверенным в части твоих семейных проблем...

Он употребил «Ра» – сокращенное от «Разитель» – кодового прозвища во времена моего пребывания в кадрах Службы. Вероятно, это должно было означать, что Иванос хочет быть со мною предельно откровенным, как со своим, – хотя и в тех рамках, разумеется, какие возникали неизбежно именно потому, что своим я все-таки уже не был. Нет, ни в коем случае я не стал «чужим», но «не чужой» это одно, «свой» же – совершенно другое, и уровни их допуска разнятся на порядки.

– Не коловращай турнюром, генерал (я так изысканно выразился, хотя мог бы сказать просто «не верти задницей», потому что Иванос никогда не любил «красивых слов», они вызывали у него чуть ли не аллергический приступ). Свои семейные проблемы мы с Лючей решим как-нибудь сами. Но для этого нужно сперва найти ее. Все общегражданские пути я уже испробовал. По нулям. Вот я и пришел к тебе.

– Что, по-твоему, тут бюро розыска пропавших без вести? Много же ты успел позабыть о нашей конторе!

– А вот сейчас проверим, – сказал я, стараясь не обращать внимания на нотку пренебрежения, проскользнувшую в его голосе не случайно, а совершенно намеренно: чтобы вызвать у меня всплеск нежелательных для меня же эмоций и помешать спокойному и логическому ведению разговора. Но если так – значит, было у него за душой что-то, что относилось к делу, но чего он не хотел – или не мог – сообщить мне. Во всяком случае, открытым текстом. Вернее всего – не имел права. Мои самые серьезные допуски давно перестали действовать, не получив возобновления, потому что они предназначались лишь для людей Службы без приставки «экс» – ну и для разных больших политических шишек, которые по скудости ума считают, что Службы работают на них – в то время, как на деле они работают на Мир Теллуса, – ну и на себя самих, безусловно.

– Как это ты проверишь, интересно? – чуть усмехнулся Иванос. – Может, начнешь меня допрашивать, предупредив об ответственности за ложные показания?

– Допрашивать не имею права, – признал я. – И насчет ложных показаний – тоже. Но это и не нужно, *мне* ты врать не станешь. Тем более что мне твои федеральные и прочие секреты до лампочки. Я хочу только, чтобы ты сказал: где Лючана?

– Да откуда я...

– Стоп! Ты на грани лжи.

– Не понимаю: с чего ты взял, что мы должны знать о ней хоть что-нибудь и, в частности, куда она подевалась? Наверное – куда захотела...

– Может, она и захотела. Но забросили ее вы. Куда?

– Кто это придумал – что мы?..

– Никто. Тут придумывать нечего. Все яснее очевидного. Во всяком случае, для любого, кто способен замечать факты и делать выводы. Здравое рассуждать.

– Прямо-таки любопытно – насколько твой рассудок еще сохранил здоровье.

– Сейчас увидишь. Вот факты. Первое: уходя, она знала, что уходит надолго. И взяла с собою оперкейс. Его берут, когда отправляются на задание или, в крайнем случае, когда рассчитывают какое-то задание получить. Ты скажешь, конечно: «Ну да, раз она уходила надолго, то взяла с собой то, что понадобится ей для заработка, чтобы жить, ей тоже нужны деньги, не тебе одному». Так оно и было бы, если бы с деньгами был напряг. Но ты и сам понимаешь: наперекор обычаю, как раз тогда ни у нее, ни у меня этой проблемы не было. Ты целиком в курсе, поскольку немалую толику мы получили от вас – хотя были и другие источники. Она могла годами жить, пальцем о палец не ударив и сохраняя привычный уровень, а то и повыше. У нас отдельные счета, и у каждого – завещательное распоряжение в пользу супруга. Я проверил ее счет. Она сняла очень немного – примерно столько, сколько и я. Тогда же. И больше не трогала.

– По твоей логике получается, что и тебя тоже мы забросили на Трешку. Почему же я об этом ничего не знаю?

Я лишь отмахнулся от насмешки:

– Слушай дальше. С одной стороны: человек уходит быстро и надолго, оставив дом в беспорядке и взяв денег, как говорится, на карманные расходы.

Берет с собой оперативное снаряжение. Человек только что отработал большую операцию. Следовательно, внутренне он – еще на боевом взводе, не было времени расслабиться, он еще горит, дух его беспокоен, а тело успело уже в какой-то мере восстановиться. Это состояние и мне знакомо, и тебе самому, пожалуй, даже лучше.

Иванос слушал внимательно, не кивая головой утвердительно, но и не покачивая отрицательно, лишь время от времени шевелил губами, как бы пробовал на язык разумность и последовательность моих предположений; впрочем, это были уже не предположения, а уверенность.

– Человеку надо отключиться, – продолжал я, – от неожиданных и неприятных переживаний, касающихся его семейной жизни. Что выручает таких людей, как мы, в подобных обстоятельствах? Только одно: дело, серьезная работа. У нас с Лючаной никаких очередных дел не было, мы их и не искали – намеревались как следует отдохнуть. Но вот дело внезапно и настоятельно понадобилось. К кому она обратилась бы за содействием такого рода, если не к вам? И даже лично именно к тебе – потому что ты знаешь нас лучше, чем твои коллеги, с ними, с молодежью, мы не работали, а с тобой – да; и мы по той же причине знаем тебя и, значит, доверяем тебе больше, чем любому другому...

Тут Иванос перебил меня:

– Это все правильно. Но ты верно сказал – «обратилась бы». Вот в этом «бы» и все дело. Сослагательное наклонение. Оно никак не свидетельствует о факте.

– Ладно, – сказал я, – попробуем обойтись без «быканья». Вернемся к фактам. Номер первый: она позвонила тебе по закрытой связи и договорилась о встрече.

– Вот те раз! Откуда ты это взял?

– Ну, генерал! Скажи, откуда она тебе звонила? Ты, конечно, не преминул установить аппарат, с которого... Иначе было бы непрофессионально. И увидел, что она воспользовалась не домашней, поскольку у нас ее быть не должно, но обычной уличной установкой связи – потому что именно на такую установку показали твои приборы. И ты ее пригласил прийти для серьезного разговора.

– Сколько я тебя знаю, Ра – никогда еще ты не фантазировал в таких масштабах и столь безудержно. Давай дальше в том же духе. Как звали старушку, которую я – топориком?.. За что? Чтобы не рассказывала тебе страшных сказок?

– Ива, милый! Ты все-таки основательно отвык от нас. Ладно, внесу ясность, но с условием: моя откровенность не поведет к нежелательным для меня – и для Лючаны – последствиям.

– Ну сажать тебя под арест до выяснения или нет – я еще не решил... Хорошо, обещаю.

– Так вот. Люча не пользовалась никакой городской точкой – поскольку у нас дома существует своя, я ее сохранил с лучших времен, уцелевшие еще наши допуски дают нам право иметь такую аппаратуру, а из регистрационных списков она по какой-то странной случайности (тут он иронически усмехнулся) выпала. Оттуда, из моего кабинета, она и разговаривала с тобой, а как отвести твой поиск источника, перевести его на любой другой аппарат – этому нас учить не надо. На моей же установке, дорогой генерал, все разговоры пишутся по автомату и сохраняются вплоть до команды на стирание. Хочешь, чтобы я воспроизвел тебе весь ваш разговор? Он у меня в мике – для верности.

– Сукин ты сын, – проворчал Иванос. – Нарушаешь закон.

– Слушай, – сказал я, – а разве для нас когда-то существовали законы? Мы живем – и ты, и я, и любой такой же – не по законам, а по правилам игры. И я их ни в чем не нарушил. Или ты считаешь иначе? Тогда будем спорить. Только время-то уходит.

– Но это был, как ты говоришь, первый факт. А второй? Хочу быть в курсе всех твоих аргументов.

– Сделай одолжение. Второй заключается вот в чем: она просто не могла бы уйти, так и не оставив ни словечка – ну, хотя бы у Вратаря для передачи мне. Скорее всего, это были бы очень крутые и неприятные слова – но уж такова она: ей нужно, чтобы последнее слово всегда оставалось за нею. И она не преминула бы сделать это, если бы не та единственная причина, которая могла ее от этого удержать. Причина называется «Уровень секретности». То есть ее подключили к операции настолько закрытой, что даже сам факт ее ухода не должен был нигде фиксироваться. Потому что она отлично знала – да и ты, приятель, тоже, – что я уже по одной ее интонации понял бы достаточно много, это могло оказаться тем концом ниточки, ухватившись за который я стал бы разматывать весь клубок. А это ты считал недопустимым – поскольку я в деле не участвую. Она ничего не оставила потому, что ей запретили. А из всех, кто мог наложить такое табу – и кого она бы послушалась, – ты у меня идешь под номером первым.

– Да, – уронил он невесело. – Спасибо за высокое мнение. Ну ладно, был такой разговор. И приходила она сюда. Лично я ее и пригласил. У нее тогда была одна мысль: найти тебя. И она почему-то решила, что я в курсе дела, где ты можешь находиться. Ну, я помог ей – навел справки по ВВ-станциям и космопортам, а также и по внутренней сети. И доискался: выяснили, что ты удрал на Трешку. Она кинулась на ВВ. Оперкейс был с нею, да – это я теперь понял, когда ты мне сказал, а тогда я подумал – ну, нормально, бельишко там, косметика, зубная щетка... Мне тогда, откровенно говоря, не до того было – хватало другой зубной боли. Ну, вот, она поблагодарила и убежала. На ВВ-станцию, как я полагаю. И исчезла. Так что все твои идеи насчет закрытых операций и всего подобного на сей раз не соответствуют.

– Исчезла... Может, объяснишь подробнее? И о зубной боли тоже?

Иванос глянул на меня искоса:

– Да уж придется, наверное...

8. Доктор Тазон в затруднении

– Нет, – сказал доктор Тазон ассистенту Сеготу, – с этой чертовой бабой я больше связываться не стану. Немыслимое дело – нападать на ученого! Да и она уже, по сути дела, пустая – помрет и без нашего вмешательства. Ах ты, господи, как эта дрянь ухитрилась меня... Ну уж дудки – без охраны я к таким больше не ходок.

– Врач сказал – вам повезло. Если бы...

– Сегот! Об этом нигде ни слова – приказываю! Не хватает только, чтобы о подобном казусе стали болтать в научных кругах и тем более – в руководящих. Воистину – беда приходит оттуда, откуда ее меньше всего ждешь.

– Может быть, просто не кормить ее, кан? Тогда она протянет совсем недолго.

– М-м... Мысль хорошая, однако... Все же это было бы неэтично, вам не кажется? Дове- римся природе – и тому, что наши расчеты достаточно точны и счет у нее пошел на часы, не более. Хотя, конечно, когда имеешь дело с женщиной...

– С очень старой женщиной, доктор. Как говорится, люди столько не живут.

– Вероятно, это было сказано о порядочных людях, не так ли?

Доктор Тазон вздохнул. Пальцами осторожно потрогал место, где все еще болело. Поморщился. И решительно тряхнул головой:

– Однако же работа прежде всего. Интересы науки. И Фирмы, разумеется. – Он полуприкрыл глаза. – Еще немного, и я смогу доложить кану Элюру об успехе, о небывалом успехе. И тогда...

О том, что будет тогда, Тазон помечтал молча и совсем недолго. После чего проговорил уже совсем другим тоном:

– Ладно. Давайте займемся следующим. Его доставили?

– Он в приемной, кан.

– В каком он состоянии? Впрочем, это я сам увижу. Полагаю, вы распорядились, чтобы его лишили возможности... поступать неожиданно?

– Его подвижность предельно ограничена.

– И ноги тоже?

– По-моему, опасности на этот раз никакой.

– Каков его возраст? Ага, двадцать восемь. Очень хорошо. Где результаты анализов?

– Лежат справа от вас, кан.

– Ах да. Ну-с, что там с его ресурсом? О-о! Совсем недурно, совсем. Теперь так: условия мы изменяем. Если у старухи брали по одной десятой, то на этот раз увеличим отбор до одной седьмой. Вы же знаете: в идеале было бы добиться полного отбора за один сеанс, тогда можно будет говорить о промышленном применении. Но подходить к этому будем постепенно, методично. Не забывайте о съемке: все должно быть зафиксировано, до последней мелочи.

– Позвольте спросить, доктор, вы и в самом деле считаете, что дело дойдет до промышленного применения вашей методики?

Доктор Тазон ответил, вздохнув:

– Боюсь, Сегот, что этого не избежать. Меня это, конечно, устраивает, да и вас тоже должно, не зря же мы работаем. Но в целом... Доктор Крат только вчера сказал мне – неофициально, разумеется, – что Аномалия ведет себя не лучшим образом. И чем дальше – тем хуже. Так что... мы должны быть к этому готовы. – Он снова осторожно потрогал больное место. – Мы могли бы завершить все намного раньше намеченного, но нет материала. Сегот, вы же знаете это не хуже меня! Вот и приходится возиться со всякими отбросами, вроде этой бабы. А будь у нас полноценные объекты для отработки технологии и будь их достаточно много...

– Могу я высказать одну мысль, доктор?

– Странный вопрос. Для чего же еще вы здесь?

– Благодарю вас. Я хотел как раз по этому поводу. Материал. Сырье, так сказать. Оно же поступает на планету каждый день – и в немалых количествах. Не говоря уже о навтах с эскадры – их ведь не меньше сотни там, в дальнем корпусе, под охраной. Отчего бы вам не воспользоваться этими – ну, скажем, пленными и приезжими?

Тазон печально усмехнулся:

– Сегот, захваченные навты – это, так сказать, заложники. Мы ведь еще думаем о переговорах с Федерацией, даже пытаемся вести их – и будем так делать, пока не завершим программу «Пигмей». Это можно понять. А что касается иммигрантов и прочих – их же привозят не для нас.

– Ну и что?

– Никто не разрешит мне...

– Нет, конечно. Но зачем спрашивать?

– Не совсем понимаю.

– А ведь все так просто, доктор! Прибывшие проходят через столько формальностей и по разным ведомствам: медицина, кадры, группа безопасности Второго отдела, служба быта и прочее... Если одной процедурой станет больше, кто это заметит? Уж не сами иммигранты, во всяком случае.

– Да, процесс сложный. Постойте, что вы, собственно, имеете в виду?

– Всего лишь то, что и мы можем включиться в него. Для пробы – в одном из каналов всего лишь. Лучше, по-моему, в канал завербованных – они сюда летят по своей воле и воспринимают все спокойнее, в отличие от тех, кого доставляют с корабельных и ВВ-перехватов.

– Включиться? Каким же образом?

– Да каким угодно. Например, еще один медосмотр. И по ходу этого осмотра отбирать – понемногу у каждого, но ведь их немало!

Доктор Тазон покачал головой:

– Медики обязательно пронюхают. И поднимут страшный скандал! А нам после этого станет практически невозможно выступать с предложениями... Пробиваться наверх всегда трудно, вы же знаете. Вам самому разве легко было – из фельдшера группы безопасности сделаться моим ассистентом?

– Нелегко, хотя сложности оказались преодолимыми. Хорошо, доктор, пусть не осмотр. Вот другая возможность: там вокруг них кормятся всякие лавочки – открыть свою, посадить двух-трех человек, таких я найду. Продавать что-то привлекательное. Для работника – ну, скажем, хороший инструмент. За мелочь. Но – тоже с осмотром, без которого якобы инструмент купить он не может, как оружие, например. Главное – усадить его в кресло, а уж там появлюсь я...

– Вы? Ну да, никто другой и не сумеет... М-да. С одной стороны, конечно, тут могут быть всякие осложнения – однако больно уж заманчивую комбинацию вы придумали. Очень хорошо. Кстати, к перехваченным это применять еще проще. Их ведь доставляют спящими: просто не будят в капсулах, вы разве не знали? У них, спящих, зондируют сознание – чтобы вовремя отловить опасных типов. Всякие разведки не дремлют, как вы сами понимаете. А нам у спящего отобрать куда проще, он и не спохватится. Смело можно брать десять процентов...

Тазон прервал сам себя:

– Но мы теряем время, Сегот. Включайте экстракцию. И сажайте этого кролика – назовем его так – в кресло. Понимаете, пока мы не поднимем КПД экстрактора хотя бы до семидесяти процентов, не имеет смысла выходить с моей идеей в директорат. Ну-с...

Он включил диктофон:

– Проводится эксперимент два – одиннадцать – ноль один. Объект эксперимента: возраст – двадцать восемь конвенционных лет, имя – Купст, происхождение – вероятно, мир Теллус,

ресурс согласно анализу – от восьмидесяти пяти до восьмидесяти семи. Начало – в восемнадцать часов тридцать семь минут по местному времени. Сегод, готовы? Включайте!

9. Два с минусом за ответ

– Это уже потом, – сказал Иванос, внимательно разглядывая свои ногти и лишь время от времени поднимая взгляд на меня, – у меня возникла мысль, что исчезновение твоей жены, может быть, и связано с этой самой зубной болью, которая тогда только начиналась, зато теперь уже дергает так, что дальше некуда. Дело это, откровенно говоря, какое-то странное. Я бы даже сказал, иррациональное. Понимаешь – есть некоторое количество фактов, неприятных фактов. Событий, если угодно, происшествий, тенденций. Но они вроде бы не укладываются в одну корзину, понимаешь? Не прослеживается между ними вроде бы никакой связи. А в то же время моя интуиция поисковика – и не только моя – прямо-таки громким голосом кричит, что все происшедшее – следствия одной и той же причины. Только мы – как в той древней байке – в положении слепых, старающихся представить себе слона и ощупывающих его с разных сторон. У нас – занимающихся этим делом – так и получается: один обшаривает ухо, другой ухватился за хобот, третий – за ногу, но представления о слоне как едином целом у них, понятно, не возникает: слишком уж он, так сказать, многогранен.

– Ива, – прервал его я, начиная испытывать нетерпение. – У меня все еще есть допуск, пусть не весьма высокий, – но давай говорить по делу хотя бы в рамках этого допуска. Бак я и сам могу тебе порассказать немало, но лучше отложим красноречие до спокойных времен.

– Постой, Ра. Не бывает оперы без увертюры – так что сиди и слушай; петь начнут, когда положено, не раньше, но и не позже. Скажи: что ты помнишь о Вневременной теории и практике? Когда возникли, кто это сотворил и так далее. Если твоя оперпамять этого не сохранила – пользуйся миком. Я должен знать степень твоей подготовленности – или ее отсутствия, – чтобы не тратить лишнего времени на объяснение того, что тебе и так известно. Приступай.

Честно говоря, вопрос показался мне не очень понятным. Точнее – он был как-то не к месту. Однако я давно уже привык к тому, что всякая мозаика складывается из множества исходных кусочков и что эти элементы смальты порою могут показаться не имеющими никакого отношения к делу – пока не поразмыслишь как следует.

– Ну, что же... – заговорил я медленно. – Теория Вневременного перемещения возникла – во всяком случае, первое сообщение о ней, предварительное, без детализации, было сделано ее автором на Восьмом Всемирном Конгрессе хронофизиков в Аделаиде, Австралия (по тогдашней географии), и было это через четыре года после возникновения ВВ-связи и через два – после запуска службы ВВ-информ, то есть в году... в году...

– Хронология известна. Но у тебя неточность. Сообщение на самом деле было сделано не автором, но от имени коллектива авторов – его руководителем. Так он, во всяком случае, был представлен. Дальше?

– Обожди, тут уже нужна справка. – Пришлось обратиться к помощи мика. – Сообщение было встречено с некоторым интересом, но без помпы, скорее всего, потому, что математический аппарат новой теории не оглашался. Суть дела поняли – как в древности было и с теорией относительности – сначала лишь единицы. Сенсации не возникло. Далее...

– А имя тогдашнего докладчика – от коллектива авторов – помнишь?

– Имя... Сейчас... Эр... Эрлик Синус, точно. Доктор Синус. Хронофизик. Заведовал в то время кафедрой по этой специальности в университете Васэда... нет, вру... В университете Фурукава, город Китакою, остров Кюсю. До того вел аналогичную кафедру в Кениата-колледже в...

– Достаточно. Развитие событий?

– Ну... там же, в Японии, через три года после этого сообщения, была создана первая в мире ВВ-транслаторатория, возникли попытки приложения новой теории к решению практи-

ческих проблем космической вневременной транспортировки. Сперва грузов, потом и людей. Директором лаборатории стал все тот же Эрлик Синус.

– Соответствует. И?

– Первый удачный лабораторный эксперимент датирован десятью годами позже. Возглавлял лабораторию уже другой... доктор Прево Синус.

– Старший сын тогда уже покойного Эрлика. А затем?

– Первое испытание ВВ-связи в промышленных масштабах – через пять с половиной лет на линии Земля – Титан, по тогдашней топонимике. Признано удачным, хотя и с оговорками. Еще через год – уже без оговорок. В том же году возникла корпорация «ХроноТСинус», была зарегистрирована как семейное предприятие Синусов. Расширение сети ВВ-информа, затем универсализация, и, наконец, еще через три года корпорации удалось переманить к себе Астина Крата из «Кернэнерго», – человека, уже известного к тому времени среди энергетиков, хотя по образованию он хронофизик. А хронофизикам всегда было трудно с трудоустройством: глубокая теория. Этот ученый использовал принцип Синуса, но вроде бы пытался применить его уже не к связи, а к телепортации. В корпорации «ХроноТСинус» это ему удалось, потому что к тому времени там возникли наилучшие условия для фундаментальных исследований. Потом, я слышал, он целиком ушел в теорию. Но его успех явился детонатором для взрыва – ускоренного разбегания человечества по всей Галактике. Не сразу, конечно, год-два новый вид транспорта использовали в ближнем космосе, потом – на поверхности планеты, но, наконец, шагнули и на Простор. Сейчас фирму возглавляет Элюр Синус – младший сын основателя. Старший погиб при столкновении его скользя с...

– Очень неплохо. Ты только не отметил интересного факта: теория существует, но до сих пор, так сказать, не прописана в науке: вся суть ее остается закрытой. Странно, правда?

– Погоди, сейчас закончу. Насколько известно по публикуемым данным, дальнейшего развития или углубления теории Синуса не велось и не ведется – или же велось и ведется на таком уровне секретности, что ни одна Служба ни одного мира не имеет об этом никакой информации. Вот теперь все.

Иванос вежливо поаплодировал.

– В твоём присутствии я начинаю чувствовать себя недоучкой, – проговорил он серьезно, только в глазах виднелась усмешка. – Но все-таки: не ведется – или не разглашается?

– Насколько я знаю (прежде, чем дать ответ, я позволил себе немного подумать), за все последние годы о такой работе не возникало ни малейшего слуха – ни на каком уровне.

– Верно. Следовательно?

– Девяносто против десяти – за то, что работа ведется. И кто-то внимательно следит за уровнем слухов – и пресекает их в момент зарождения. Потому что предоставленные сами себе слухи рождаются постоянно и обо всем на свете – пусть и на самых низких уровнях.

– Bravo. – На этот раз обошлось без усмешки. – Перехожу ко второй серии. – Я открыл было рот, но он покачал головой: – Это нужно, Ра, действительно нужно – иначе ты ни черта не поймешь. Хотя, может быть, все равно не поймешь – но так у нас будет хоть право надеяться. Итак, что такое ИТПВВФ? Не приходилось сталкиваться?

Поиск в моем мике занял несколько секунд.

– Отвечаю: Институт Теоретической и Прикладной Вневременной Физики. Вырос из лаборатории, о которой мы уже говорили. Принадлежит корпорации «ХроноТСинус», ею же, естественно, финансируется. Руководитель – тот же Крат.

– Пять с плюсом. Основные темы, разрабатываемые Институтом?

Я даже не стал задумываться:

– Тут я пас. Не имею представления, никогда не интересовался. А свои предположения только что изложил. Могу еще только добавить: помню, что разработка «Мгновенной бомбы», о которой одно время пошли всякие слухи, Федерацией была в законодательном порядке запре-

щена раз и навсегда кому бы то ни было. Но история, по-моему, доказывает: запрещай или не запрещай такие замыслы – все равно они будут реализовываться – открыто или подпольно.

– Вот и мы так думаем... – Иванос вздохнул. – И последний вопрос: местонахождение фирмы? Ее правления, Института, основных предприятий?

– Производят они, насколько помню, главным образом ВВ-технику – и информационную, и транспортную. А располагались вначале на Армаге, естественно. Там же, где обосновалось правление только что возникшего «ХроноТСинуса».

– Или ХТС, теперь его чаще называют так.

– Один черт. Дальше: в ноль восьмом году фирма переместилась в мир Милена – вероятнее всего, чтобы не платить сумасшедшие армагские налоги. Там находится и по сей день.

– А вот за это тебе вlepили бы два с минусом.

– Это еще почему? – спросил я тоном оскорбленной невинности.

– Потому что ответ неправилен. Ну, это понятно: твои дела никогда с этой корпорацией не пересекались – ты был рядовым ее пользователем, как и миллиарды других обитателей Федерации. И твоего внимания избежал тот факт, что и правление корпорации ХТС, и все ее дочерние предприятия, включая этот самый Институт, в очередной раз сменили местожиительство.

– Снова бегство от налогов?

– Твердого мнения у нас нет. Но – сомнительно. Потому что вряд ли можно найти мир с более щадящей налоговой политикой, чем Милена; тем более что этот мир не связан ни с системой Армага, ни с нашей – он настолько независим, насколько вообще это может быть в рамках Федерации. Потому, вероятно, что до появления там ХТС эта планетка ни для кого не представляла интереса, ввиду своей бедности и бесперспективности как в сырьевом, так и в космографическом отношении. Она на окраине, для кораблей прыжки туда и обратно обходятся дорого, а толку практически никакого. Есть множество миров, в которые стоит вкладывать средства.

– Почему же ХТС опять сделала ноги?

– По-моему, ответ на поверхности. Но лучше будет, если найдешь его сам.

Думать и в самом деле долго не пришлось:

– Если некто покидает место, где ему было хорошо и откуда его никто не выталкивал и не устраивал каких-либо неприятностей, – причину я вижу лишь одну: отыскалось другое место – такое, где ему будет еще лучше – если не во всех отношениях, то, во всяком случае, в осуществлении его главных интересов. У них на Милене стали возникать сложности?

– Отвечу осторожно: нам об этом ничего не было известно. Следовательно, и никому другому тоже.

– Значит, «лучшее – враг хорошего». Где же они нашли это лучшее?

– Если ты сейчас не удивишься, значит, отупел окончательно и привлекать тебя к работе бессмысленно. Они переметнулись на Улар.

– Куда-куда?

– Ага! Проняло?

Я только покачал головой:

– Спасибо, что не заставил меня угадывать. Потому что в перечне обитаемых миров я бы не назвал его даже самым последним. Да он, по-моему, никогда и не был обитаемым. Во всяком случае, не считался. У нас ведь не дают статус обитаемого мира, если планету населяют каких-нибудь полдюжины отшельников! И если этот мир в последние месяцы не стал демографической Сверхновой, то Улар и посейчас...

Но тут я сам схватил себя за язык:

– Постой... Совсем вылетело из головы. Улар! Вербовка... Реклама... Значит, это их стали вдруг так раскручивать? Когда все это началось, ты говоришь? Ты ведь не зря учинил мне экзамен; ты что – теперь ведешь их? Там что-то не так?

Иванос ответил не сразу:

– Меня к этому подключили позже: этот их скачок произошел тогда, когда мы с тобой по уши увязли в уракаре и прочем. Так что мне пришлось вскакивать в дело уже на ходу. Но сперва это была просто обычная надзорная операция. А всерьез мы стали задумываться кое над чем незадолго до твоего исчезновения.

– Я вовсе не исчезал! Я совершенно легально... Ладно, сейчас это не важно. По-моему, ты путаешь со сроками. Я бы знал. И тогда, может быть, полетел бы не на Трешку, а на Улар. Но тут все было тихо.

– Знали только те, кому полагалось. Потому что эта акция «ХроноТСинуса» с самого начала была воспринята вовсе не как частное дело компании. Хотя, казалось бы, какое дело властям до перемены адреса фирмой – пусть даже и одной из крупнейших?

– Ты прав. – Я исправно изображал недотепу, чтобы подбить Иваноса на большую откровенность. – Что в этом страшного? Ну, переехали на другую планету. Вроде бы ничьи интересы не пострадали?

Иванос усмехнулся:

– Ладно, ладно. Ты не хуже моего знаешь, что властям не нравится, когда какие-то действия заметных лиц и тем более компаний не получают логического объяснения. Всякая неясность подозрительна, всякая подозрительность побуждает к действиям. А тут как раз ясности и не было. И тем не менее они, как бы вопреки здравому смыслу, оказались именно там. И этот мирок из богом забытого уголка Галактики превратился вдруг в центр самой, пожалуй, могучей корпорации в известной нам части Вселенной.

– Большая куча поводов для размышлений.

– Это тебе кажется, что куча. На самом деле это айсберг, девяти десятых которого мы еще даже и не видим. Ладно, задавай вопросы – я вижу, что у тебя язык чешется.

– Спасибо за любезное разрешение. Я бы и без него спросил. Перед тем как помахать Милене ручкой, они дали хоть какие-нибудь объяснения? Как-никак и куда менее значительные корпорации и системы перед тем, как внести в свою деятельность серьезные перемены, хотя бы ставят власти в известность, а киты, подобные ХТС, нуждаются в согласии на федеральном уровне, поскольку от деятельности этой компании зависят все и каждый. Значит, они должны были дать хотя бы формальные объяснения, типа, скажем, поголовной аллергии персонала на укусы миленских комаров. Независимо от их желания их спросили бы, потому что это ведь заметный процесс: подготовить к эвакуации такую массу людей и оборудования... Так что же они сказали?

– А ничего. Потому что их и не спрашивали. Не спрашивали же по той причине, что никакой подготовки и не было. Милениоты легли спать, когда корпорация (а ведь это был целый город – правление ХТС) крутилась на полных оборотах, как каждый день с тех пор, когда она там возникла. А проснулись они в мире, где этой корпорации и след простыл. То есть следов, конечно, нашлось предостаточно, городок-то остался на месте, здания, дороги, службы... Но ни единого человека, аппарата, транспортного средства – ничего.

– Постой... Но ведь там у них находился и Федеральный центр ВВ-услуг; выходит, на какое-то время Галактика оставалась без ВВ? И никто этого не заметил? Не спохватился? Не затрубил тревогу?

– Удивись еще раз: никто и нигде не заметил ни единого сбоя. Все работало безотказно. Уж с этой стороны к ХТС никогда претензий не возникало, они всегда были на высочайшем уровне.

– Удивляюсь согласно указанию. И продолжаю спрашивать. Когда же Федерация осознала свершившийся факт? И потребовала ли власть объяснений хотя бы задним числом? Как-никак, для властей это вопрос престижа!

– Требовать не пришлось: post factum они сообщили сами. Как говорится, поставили в известность.

– И как объяснили?..

– А никак. Не сочли нужным. И только на второе настойчивое требование ответили весьма раздраженным тоном: дело, мол, в том, что дальнейшее развитие ВВ-науки и техники, в чем ХТС достигла, по их словам, успехов эпохального значения – без каких-либо подробностей, – требует проведения в ближайшем будущем целого ряда серьезных экспериментов, чьи последствия могут, в случае неудачи, хотя бы частичной, отрицательно сказаться на условиях жизни окружающего населения. Потому, мол, они и приняли решение переместиться туда, где этого населения, по сути, и не было.

– Что за эксперименты? – насторожился я. – Хоть что-нибудь у вас об этом есть?

– Я ведь сказал уже: ни полслова.

Тут настало самое время выдержать паузу.

10. Доктор Астин Крат, тот самый

Между тем, если бы этот самый вопрос был задан доктору Астину Крату, главному хроноэнергетику, а точнее, главному энергетика и главному хронофизику все той же фирмы «ХроноТСинус», он, конечно, смог бы удовлетворить любопытство спрашивавших без всякого труда. Если бы захотел, конечно.

Однако, скорее всего, ни с кем из посторонних Крат на эту тему разговаривать бы не стал. Как и на многие другие. А если бы кому-нибудь уж очень захотелось бы завести с ним разговор, спрашивать следовало бы совсем о другом.

Вот если бы доктор Крат услышал такое: «Астин, ты доволен жизнью?»

То уже одного взгляда, полученного в ответ, оказалось бы достаточно, чтобы понять: нет. И еще раз – нет. Тысячу раз – нет!

Хотя причин для такого отношения к своей жизни вроде бы у него не было.

Оба занимаемых Кратом поста принадлежали к высшим должностям на фирме; но, похоже, это обстоятельство не очень-то радовало хронофизика, не тешило его самолюбия. Потому ли, что необходимость координировать деятельность обоих отделов отнимала все больше времени от работы по его собственной тематике? А работа эта, безусловно, с каждым днем приобретала все большее значение не только для науки (которую, даже при самом горячем желании, нельзя было считать его личным делом), но и для самой фирмы, и всего Улара в целом. Того самого Улара, который еще не так уж давно казался ему – и Тине, его жене – просто подарком благосклонной судьбы, даром небес, если угодно. Или у него были и другие причины предъявлять претензии к судьбе?

Если бы вопрошавший, не удовлетворившись взглядом, попросил бы более конкретных объяснений, он, возможно, услышал бы вместо ответа встречный вопрос:

«Как по-вашему, был бы сэр Айзек доволен, если бы направления и программы его исследований определялись и направлялись, скажем, ост-индской компанией? Или великий Альберт – если бы судьбой „частной теории относительности“ распорядился тот банк, в котором он во время ее создания работал клерком?»

Именно так и назвал бы он и Ньютона, и Эйнштейна: запросто, по именам. Что позволяет предполагать, что себя доктор Крат тоже причислял к фигурам именно такого масштаба – и не только в физике, но и в судьбе человечества. Имея в виду, возможно, именно то, что, не подписи Эйнштейн письмо, направленное учеными Франклину Рузвельту, неизвестно, возник ли бы «Манхэттенский проект», приведший к созданию атомной бомбы.

Будь у него хотя бы тот уровень независимости, какой и Ньютону, и Эйнштейну давали их имена, может быть, Крат и не возражал бы против применения полученных им результатов даже и в военной области.

Но – увы! – имя его, хотя и было известно и пользовалось уважением, – но лишь в пределах фирмы; а покинуть эти пределы (ни лично, ни хотя бы в виде некоей информации) он не мог по причинам, которые вряд ли стал бы объяснять не только первому встречному, но и второму, и третьему, и энному.

Хотя, вполне вероятно, Крат и счел бы возможным намекнуть, что фирма «ХроноТСинус» – это вам не британская торговая компания и тем более не какой-то швейцарский банк двадцатого века.

Но после этого хронофизик наверняка прервал бы разговор и вернулся к своим размышлениям и повседневным делам, заставляя себя вновь стать человеком, живущим лишь интересами фирмы.

Поэтому сейчас, в начале рабочего дня, Крат лишь бегло просмотрел последние сводки – копии тех, что получали глава фирмы Элюр Синус и другие пять руководящих лиц – узкий

круг. В сводках Крата интересовало главным образом участие отделов Института в промышленной и строительной деятельности, а также в поддержании уровня безопасности. Пока, кажется, все обстояло более или менее нормально. Подчиненная непосредственно ему самому группа хронофизиков, работавшая в программе «Пигмей», шла даже с некоторым опережением; строительство Второго Энергоцентра (так в обиходе называли «Метаморф ТЕ-2» держалось в графике, строящиеся заводы – Восьмой и Девятый – тоже. Выработка необходимой для жизнедеятельности фирмы энергии вроде бы росла...

Поджав и без того тонкие губы, Крат закрыл сводки и отвернулся от дисплея. Ожидать какой-то помощи от компьютера, даже такого мощного, каким был уларский «QS» – «Quasi Sapiens», – в волновавшем его деле не приходилось; думать и делать выводы необходимо было самому.

Дело же, дававшее ему все меньше покоя, заключалось в том, что выработка энергии в действительности не росла. Наоборот – падала. Пока не очень заметно для, так сказать, невооруженного глаза; но у Крата-энергетика было достаточно опыта и интуиции, чтобы почувствовать: это лишь начало процесса, и развиваться он будет достаточно быстро.

Почему?

Такой вопрос Крат-энергетик задал Крату-хронофизику. А тот, в свою очередь, переадресовал его Аномалии и теперь пытался получить от нее ответ, выраженный в цифрах и формулах, то есть на универсальном языке Вселенной. Ответ – если только это не простое «да» или «нет», – должен представлять собою связную фразу, состоящую из некоторого количества слов. И вот сейчас какие-то слова у Крата уже были. Но – он чувствовал – меньшая их часть. А остальные предстояло еще найти. А отыскав – построить из них ту самую фразу, которая и окажется искомой. Что тоже не просто, потому что из одних и тех же слов можно, как известно, построить фразы совершенно противоположного смысла – если неправильно расставить запятые и иные «перпиньяны», как Крат называл про себя знаки препинания.

Какие слова ответа он уже знал и что из них можно было сложить?

Прежде всего то, что причина неприятности находилась не на Уларе. Все звенья технологической цепочки по преобразованию сырья в энергию он уже проверил не раз и не два – и сам, и (что было надежнее) в сообществе с QS – и убедился в их полной исправности и надежности. Начиная с Глаза и кончая линиями электропередач. Причина таилась в источнике сырья: в Аномалии.

Она, попросту говоря, затухала.

Не было еще найдено слово, которое отвечало бы на вопрос: почему?

И не было другого, которое объяснило бы: затухала временно? Или навсегда? Колебательный процесс? Или окончательный?

Учитывая невероятную сложность самого явления Аномалии, двоякую природу того, что она генерировала, полное незнание тех процессов, которыми вообще можно было бы объяснить ее существование, отсутствие соответствующей математики, заставляющее создавать эту математику на ходу (для чего следовало быть именно математиком, Крат же был всего лишь хронофизиком, то есть в математической Вселенной ему было знакомо не так уж много звезд), он не мог надеяться, что недостающие ключевые слова удастся найти быстро. Их придется отгадывать по буквам, создавая несколько вариантов сразу.

Это могло бы стать задачей всей жизни. Но интуиция подсказывала, что ответ необходимо получить не в годы и месяцы и даже не в недели, но буквально в считанные дни.

Иначе жизни не хватит – потому что она окажется слишком короткой.

Вот если бы найти другой источник сырья – хотя бы на время погони за ответом! Но это невозможно даже теоретически.

А впрочем... Кажется, о чем-то таком как-то заметил вскользь Тазон, хроногенетик?

Кажется, да...

Интересно. Что генетику делать в физических проблемах? Надо найти время, полюбопытствовать.

Пока же он нашел лишь минуту для обязательного, первого из трех, звонка Тине, жене. Каждый рабочий день он звонил ей трижды; это нужно было ему для спокойствия, для поддержания рабочего состояния.

- У тебя все в порядке?
- Все хорошо, Аст.
- Я люблю тебя.
- Я – тебя.
- Целую. До следующего.

11. Трудно жить без допуска

– Ну, что же, – сказал я Иваносу, когда пауза, во время которой мы собирались с мыслями, истекла. – Фирма сделала заявление, формально – протокол соблюден. И что же?

– Да все бы ничего, если бы только к этому сообщению не было одного маленького примечания.

– Ну, не тяни кота!..

– Примечание в таком духе: поскольку и подготовка экспериментов, и само перемещение в новый мир потребовало весьма существенных затрат и истощило финансовые резервы компании «ХроноТСинус», никакие налоговые отчисления в текущем финансовом году, а также, видимо, и в несколько последующих лет производиться не будут. Точка.

– Ничего себе, – сказал я. – Для Федерации это уже не вопрос только престижа. Это удар ниже пояса. Ведь, как я прикидываю, даже на Милене, при ее нежном налогообложении, они платили в казну, сравнительно с другими, чертову уйму звонкой монеты. Что же теперь остается властям? Постой, я подумаю сам. Ну да. Или повышать налоги в других мирах – но попробуй-ка заикнись об этом хотя бы на Армаге: половина Федерации, если не больше, сразу же пойдет в отрыв, – или официальный центр Обитаемых Миров придется наконец перенести на Армаг, чего наши теллурияне ох как не хотят. И вторая возможность: привести руководство ХТС в сознание – показать большой кулак и скомандовать: «Гони монету!». Как-никак, кроме ВВ, существует до сих пор и корабельная составляющая галактического транспорта – и Военный Космофлот в том числе. Вот его и попросить навести там порядок.

Иванос потер руки – но не от удовольствия, скорее наоборот, словно стараясь что-то стереть с ладоней.

– Пошли, конечно, по второму варианту, – произнес он каким-то бесцветным голосом.

– Что, и в самом деле послали ударную эскадру?

– Сперва просто прикрикнули. Потому что сила вроде бы была на стороне власти. Улар потому и пустовал, что ни черта пригодного там не обнаружилось. Для промышленности надо завозить и технику, и сырье – кому это нужно? Ну, дышать там можно, вода есть, хотя и не бог весть сколько, а вот жрать нечего, потому что жизни на планете вообще не было даже на уровне одноклеточных. И посеять ничего нельзя: почвы не успели образоваться, а уж пригодные для сельского хозяйства – и подавно: органики-то нет! Камень, вулканические породы, местами – песочек, чистый кремний – вот и весь набор условий. В недрах, конечно, что-то есть, но это надо еще найти и добыть! А пока все надо ввозить. Годами! И вот Федерация пригрозила этот кран им перекрыть. А чтобы в серьезность угрозы поверили – на все счета «ХроноТСинуса» в банках всех миров наложили арест. Может, хотели скомпенсировать убыток федеральной налоговой службы.

– Судя по твоим интонациям – гром победы не раздался? Значит, реквием?

– Ну, чтобы не показаться голословными, в подкрепление угрозам послали Шестую эскадру. Командующий эскадрой адмирал Сигор, державший флаг на «Ярославе», был уполномочен, если ХТС сразу же не откажется от своих закидонов, предъявить им правительственный ультиматум, в котором санкция была – полная товарно-энергетическая блокада, и Шестая эскадра незамедлительно стала бы ее осуществлять.

Я кивнул:

– Нормальный замысел. Поскольку ни энергоносители, ни металлы по ВВ не передаются – во всяком случае, так было. Может, они нашли способ? И могут обойтись вовсе без корабельного транспорта? Или же все нужное на несколько лет успели запасти на самом Уларе? А контрабанда? Федерация обширна, за всеми не уследишь, а?

– Это я не хуже твоего знаю. – Иванос скривил губы, словно хлебнул горькой. – Только, как тебе известно, контрабанда ничего не производит, она лишь переправляет. Конечно, история подсказывает: производя в массовом масштабе те же наркотики, можно создать свою транспортную службу или же прибрать к рукам уже имеющуюся. Но если речь не о наркотиках, а в первую очередь о производстве, доставке и монтаже ядерной станции с запасом топлива для нее – а начать можно только с этого, без энергии мы беспомощны, – то это в кустарных условиях не делается. Задачей властей, и прежде всего Службы, стало не спускать глаз с производства именно этой продукции, ну, и затем подумать о возможных путях их контрабанды. Производителей такой техники в Федерации не так уж много, из них шестьдесят пять процентов – на Армаге и Теллусе, не в джунглях каких-нибудь, производство это – штучное, контроль и учет и сырья, начиная с добычи, и выхода продукции на уровне, поверь мне. Так что блокада – это угроза серьезная и реальная, она должна была заставить их там призадуматься...

– Призадумались они, – сказал я, – еще до того, как осуществили свое переселение. Потому что все это лежит на поверхности. И раз они на это пошли – значит, нашли какой-то выход. Такой канал, который мы перекрыть не можем.

Он пожал плечами:

– Ты все понял правильно – в рамках той информации, какой обладаешь. Но пока ты загорал где-то в приятном удалении от наших проблем, произошло чертово количество чертовых событий и возникло не меньше чертовых явлений. Эскадра вышла для блокирования Улара – то есть чтобы ни один корабль, даже самый крохотный транспорт, не мог добраться до поверхности планеты. Три с небольшим дня мы поддерживали с эскадрой устойчивую связь. Потом она прервалась – и не восстановилась до сих пор. Связь по ВВ, разумеется. А еще через пару дней после этого в Просторе начали происходить нападения на транспортные корабли. Пиратские нападения – иначе назвать это нельзя. Атакованные корабли поначалу успевали послать хотя бы краткое сообщение. Потом и такие сигналы исчезли. Ничего удивительного, если помнить о том, что ВВ-институт – ИТПВВФ – переместился на Улар вместе со всей фирмой и наверняка продолжает там свои теоретические и прикладные поиски, как мы уже говорили, при полном соблюдении секретности. Это, кстати, тоже может быть причиной переселения. Выяснить, что у них и как, на Уларе, где, кроме них, никого нет, намного сложнее, чем на той же Милене. Так или иначе во всех проблемах, связанных с ВВ-пространством, Синусы разбираются на порядок лучше нашего. Поэтому я не удивлюсь, если окажется, что они нашли способ заблокировать хотя бы локальные источники ВВ-активности, то есть заткнуть рот любой передающей установке. Но из того, что мы успели получить, стало ясно – нападения производились военными кораблями. Чьими? Ни один мир, естественно, не признался в таком использовании своего флота; да к тому же почти все они – лишь пользователи ВВ, неспособные как-то влиять на саму систему. А влияние, как почти сразу выяснилось, производилось не только на ВВ-связь, но и на транспорт: люди стали исчезать в миг ВВ-переброски, бесследно растворяться в пространстве – или не знаю где. По этим причинам всю Федерацию начало лихорадить: без непрерывного обмена информацией, без беспрепятственного перемещения по Галактике цивилизация в два счета распадется на множество изолированных миров и мирков, следствием чего станет неизбежный и все ускоряющийся регресс. Конечно, оставался еще корабельный транспорт; но когда слухи о пиратстве разошлись достаточно широко, в рейсы стало уходить все меньше транспортов – никто не хотел рисковать ни кораблями, ни людьми, – а из тех, что выходили, все меньше стало достигать миров назначения. Иными словами – пожар в борделе во время наводнения.

Иванос сделал паузу, даже закрыл на несколько мгновений глаза, как будто собирался с мыслями. И заговорил совсем другим тоном – словно сам не был уверен в своих словах:

– Ну ладно, все то, о чем я говорил, может быть, неожиданно, однако же объяснимо: и захват территорий, и пиратство – дела старые, давно знакомые. А вот дальше стали происхо-

дить такие события, аналогов которым мы в истории не находим. А именно: вдруг – как снег на голову – на рынках многих миров, сначала самых далеких и слабо развитых, стала появляться продукция, изготовленная на Уларе. На Уларе! Где еще вчера ничего, кроме камней, не было!

– Вот как. Какая же продукция?

– Да самая обычная. Прежде всего – потребительская техника. Домашняя, уличная... Электроника. Сначала достаточно простая, но буквально с каждым днем все сложнее, на мировых уровнях. И недорого. Дешевле, чем предлагает любой уважающий себя мир. Конечно, количественно они пока еще в серьезные конкуренты не выходят. Но тут важен сам факт. Откуда что? Предприятия, сырье, рабочая сила... Не из воздуха же все это. Да там и воздуха нормального нет, человек еще пользуется, а уж тонкая механика – она, знаешь, разборчива...

Он прервал сам себя, покосился на меня с подозрением:

– Но я что-то не вижу, чтобы мой рассказ тебя очень удивил.

Я кивнул:

– Не удивляет – потому что, во-первых, второе вытекает из первого: откуда сырье и люди? Скорее всего, с захваченных кораблей. Заводы? Ну, если они смогли перебросить свою фирму, то почему же не прихватить и какие-нибудь сопутствующие предприятия?

– Да просто потому, что у «ХроноТСинуса» их никогда не было! Они если и производили, то лишь кваркotronику, связанную с ВВ. Даже сами установки, кроме них, теперь делают и другие фирмы – по их лицензиям. И к тому же они всю свою инфраструктуру оставили здесь, корпуса, как я уже тебе сказал, ни на каких кораблях не перетащишь, их надо строить на месте. Так что если даже они увезли с собой чертову уйму рабочих, то все равно на такое строительство понадобились бы годы. А тут – пара месяцев. Ну а почему еще ты решил не удивляться?

– Потому что ты говорил о пиратстве, исчезновении людей в процессе ВВ-перевоски, о неизвестно откуда взявшихся кораблях – а вот мне пришлось уже столкнуться и с тем, и, пожалуй, с другим.

– Ну-ка, дай волю языку...

Я рассказал ему о моих приключениях. Слушая меня, Иванос хмурился все больше. Потом медленно проговорил:

– И это был «Ярослав»? Ты уверен?

– Как в том, что вижу тебя.

– Ты становишься важнейшим свидетелем – хотя бы потому, что тебе единственному удалось увидеть пирата – и вернуться живым и здоровым. Вообще вернуться.

Я покачал головой:

– Думаю, ты слишком низко меня ценишь. Таких, как я, свидетелей есть еще пять – экипаж «Стрижа», на котором я летел. А я могу рассчитывать на роль и посложнее. Причем – независимо от мнения твоей конторы.

Иванос усмехнулся:

– Не станем ссориться раньше времени, это всегда успеется. Но, раз уж ты сейчас здесь, а ту пятерку надо еще найти и доставить, ответь хотя бы на такой вопрос: что это за корабль? Написать «Ярослав» можно на какой угодно посудине...

Конечно, спрашивал он не случайно.

– Ты ведь знаешь: во флотских делах я не специалист...

– Ну ладно, ладно!

– Это крейсер первого класса. Четыре носовых топ-дистанта, предполагаю, что и кормовых столько же. Дальше: пояс из шестнадцати контейнеров – похоже, ракеты автономного действия; как я понимаю – на случай, если противник снабжен зеркальной защитой. Теперь еще...

Иванос только кивал, пока я выцеживал информацию из мика; я и сам не подозревал, что мне удалось так много увидеть в те краткие секунды. Когда я выложил ему все, что имел за душой, он сказал:

– Ты говоришь, тексты с крейсера были анонимными?

– Да, конечно. Но зацепка для опознания все же есть.

– Интересно. Какая же?

– Ты помнишь, конечно, что в каждом случае выхода на связь корабельный передатчик в начале и в конце текста автоматически ставит свою метку, заключающую в себе и название, и бортовой номер. Чтобы этого не произошло, его надо отключить, но об этом знает и может сделать только специалист по военной связи. А там, возможно, специалиста и не было. Или же – он был, но решил метку сохранить. А поскольку «Стриж» сейчас на Теллусе и его команда тоже, то вряд ли для вас составит проблему получить и изучить записи текстов с крейсера.

– Хороший совет. Спасибо. Ну а по-твоему – чьим может быть этот корсар?

У меня не было желания огорчать его, но дело оставалось главным.

– Я думаю, что это действительно флагманский корабль нашей эскадры, Ива. Если только на Армаге все крейсера этого класса налицо. Потому что только у этих двух миров такой класс вообще имеется.

Генерал хмуро кивнул. И развил мою мысль:

– А если это наш корабль и эскадра находилась возле Улара, значит – это их рук дело. А?

– По логике – так. Я уверен, что на «Ярославе» не было нашего экипажа. Во-первых, потому, что профессионалы не дали бы «Стрижу» ускользнуть: времени для задержания было с лихвой. И во-вторых, будь у них такая возможность, тексты подписали бы именем капитана, но для этого нужно знать капитанский кодовый номер, а похоже, он им неизвестен.

– Даже не капитанский, а адмиральский: «Ярослав» – флагман. Но каким способом можно захватить целую эскадру, вполне боеспособную, даже не повредив кораблей? И к тому же – так молниеносно, что они не успели сообщить о происшедшем – или еще только угрожавшем – ни слова, ни звука никому на свете: ни своему командованию, ни... да кому угодно!

Я кивнул... Потому что всем – и мне в том числе – было прекрасно известно: ХТС являлась крупнейшей и единственной частной ВВ-системой, держателем всех, или почти всех, патентов, и так далее. Но еще в пору становления ВВ-связи право безвозмездного и бессрочного пользования патентами было передано Федерации, что же касается ВВ-транспорта, то он, хотя об этом говорить не любят, вырос из союза с военной промышленностью, в основе своей принадлежавшей государству. Так что помимо общегражданских ВВ-систем, принадлежавших ХТС, существовали еще и федеральная правительственная, и федеральная военная ВВ-структуры, не говоря уже о локальных ВВ-сетях отдельных миров. Поэтому отключить эскадру от связи с Федерацией Улар никак не мог – во всяком случае, насколько это было нам известно. Разве что какой-то из тайных экспериментов дал корпорации новые возможности в таких делах?

– Да, – согласился я. – Как и что могло помешать их выходу на связь?

– Вот это мы очень хотели бы понять. А твои предположения?

– Знаешь, я с детства был недоразвитым ребенком...

– Слышать такое от тебя – по меньшей мере странно.

Я невольно провел ладонью по лбу, по глазам.

– Прости. Я и в самом деле сморозил глупость. Если говорить прямо – я не знаю такого способа. Там же не любители были, я имею в виду – на эскадре, и так просто с ними никто бы не справился. Но это не главное. Если бы сейчас я мог спокойно думать, я бы в первую очередь стал размышлять о другом. Можно – пусть с какими-то натяжками – объяснить, откуда взялись люди, сырье, даже первоначальное оборудование. Но не вижу пока возможности объяснить: каким образом они нашли время для такого стремительного развития? Время нельзя награть, пиратствуя, и невозможно обнаружить в перехваченных ВВ-перебросках. Вот действительно повод для серьезных раздумий или хотя бы догадок. Но извини (я развел руками для выразительности) – на меня не рассчитывай. Я сейчас не в том состоянии. Сам понимаешь

почему. Для тебя сейчас, естественно, существует лишь одна проблема. А у меня их две. И Лючана – первая из них и главная.

– Да, – кивнул он. – Так ты считаешь. На самом деле это одна и та же проблема – только с разных точек зрения. Я сказал тебе, что Лючана исчезла, когда бросилась вдогонку за тобой. И если бы даже все происходило именно так, она все равно оказалась бы привязанной к Улару. Просто была бы перехвачена при ВВ-транспортировке – как и многие другие. Но – ты уж прости – в действительности все обстояло несколько иначе.

– Я так и думал, – сказал я, – что ты врешь. Слишком уж надежно ты заблокировал свои извилины от моего вторжения. У тебя кора гладкая, как глобус, чуть ли не отполирована.

– Я ведь не знал, как повернется разговор.

– Теперь-то ты спокоен?

– Думаешь, с тобою это вообще возможно? Даже когда ты спишь...

– Ива, время идет.

– Да. Ей действительно нужно было отвлечься. Не хочу гадать, что вы там друг с другом сотворили, но состояние у нее было, прямо сказать... Если бы такое возникло у моей жены – не знаю, чего не сделал бы, чтобы только ее из него вывести. Она очень просила (я, правда, этим словам Иваноса не поверил: «очень просить» было не в характере Лючаны. Хотя, конечно, люди меняются вместе с обстоятельствами...). А у нас как раз возникла ситуация, когда нужен был хороший, даже очень хороший оперативник для серьезной работы. Да-да, не скрою: связанной со всеми чудесами, о которых мы тут с тобой рассуждали. Скажу откровенно: сперва подумали о тебе. Искали. Но не нашли. Действительно, имелись данные, что ты улетел на Трешку. Странно: оттуда не подтвердили...

– Что, поучить тебя, как уходить от поиска?

– Об этом я сам в свое время написал учебник; просто мы не подумали, что у тебя вдруг возникнет потребность в полном исчезновении. Как обычно в таких случаях, решили, что виноват очередной фортель ВВ-транспорта. Вот тут и возникла твоя жена.

– Спасибо, Ива. Не утерпел, чтобы не воспользоваться женой ближнего своего – пусть и не в постели... Твой должник на всю жизнь..

Он не обиделся. Сказал лишь:

– Для нее это было лучшим выходом. Она все равно бы кинулась – не знаю куда. И что бы из этого получилось?

– Мог бы удержать...

– Разве что за решеткой. Да и то она сбежала бы.

Я понимал, что он прав. Но все равно было обидно.

– Ладно. Так куда вы ее закинули? Давай адрес.

Но Иванос молчал. Достаточно долго, прежде чем ответить:

– Ра, я ведь говорил уже, да и сам ты понял: уровень секретности – не твой. Извини, но...

– Я же не прошу изложить суть операции, вообще никакие ваши хреновы тайны меня не интересуют. Но ведь вы наверняка дали ей один из блуждающих номеров – по которому местопребывание засечь нельзя. Мне этого достаточно. Я хочу услышать ее голос, понимаешь – ее живой голос. И сказать ей – в немногих словах – очень многое. То, что поможет ей вернуться в норму куда быстрее, чем самые головкружительные ваши задания. Есть ведь блуждающий номер?

– Ну есть, – признал Иванос нехотя.

– Давай сюда!

– Это ни к чему, – проговорил он хмуро после небольшой паузы. Проговорил так, что мне сделалось не по себе.

– Что ты хочешь сказать?

– Да есть номер. А вот Лючаны – нет. Не откликается, понял? Что-то у нее там не заладилось. И мы не можем понять – что именно.

– Постой, постой. Но можно ведь запросить резидентуру, навести перекрестные справки...

– Если бы! Но нельзя.

– Да почему!..

– Просто потому, что там никого, кроме нее, и не было. Ни резидента. Ни сети. Белое пятно. Сплошное белое пятно.

– Куда же это ты загнал ее, ты...

Через полминуты он остановил мое словоизвержение, подняв руку.

– Ладно, Ра. Видно, никак иначе не получится.

Полуобернувшись назад, он извлек из сейфа несколько бланков.

– Заполняй.

Я глянул на бумаги. Перевел глаза на него.

– Да, – кивнул он. – Оформим на тебя допуск «Анни». И введем в курс дела. А уж дальше – решать будешь сам. Но: жена – твоя, а результаты работы – наши. Все до последней точки. Нарушение – ну, ты понимаешь.

– Спасибо, генерал! – выпалил я, хватаясь за перо.

В наше время ВВ и кваркотроники все обязательства такого рода продолжают отбихать по старинке: собственноручно, на вечной бумаге вечной тушью, с подписью, которая тут же заверяется. Писать от руки – тягостное занятие. Но чтобы хоть как-то приблизиться к Лючане, допуск «Анни» – наивысший из существующих – был необходим; и чтобы получить его, я готов был не то что нацарапать несколько фраз на листке бумаги; если бы мне предложили ради этого написать маслом полотно размером – ну, хотя бы с «Явление Христа народу» – я, не колеблясь, ухватился бы за кисти.

Процедура оформления, в отличие от заполнения документов, была предельно компьютеризована и заняла считанные минуты. Я получил два варианта допуска: карточку с кваркотронной схемой и маленький файл в мой мик – в качестве резервного, недоступного для посторонних воздействий, защищенного от проникновения и стирания кем угодно – кроме тех, кто мне его подсадил.

– Вот так, – этими невыразительными словами Иванос подвел итог наших переговоров. – Теперь можно и заняться делом. Слушай очень внимательно...

– Я вроде бы и так ворон не считаю.

– Ты все думаешь о ней. А надо – забыть. На время. В подсознании, конечно, и тогда останется главной она – пока не возникнет ясность. Но ты старайся все-таки целиком войти в тему, потому что тебе и придется эту ясность искать. Не выпадай из мира, как вот сейчас.

– Выкладывай: что дальше?

Иванос невесело усмехнулся:

– Дальше – как всегда в подобных случаях. Мы попытались свести все новости вместе, сделать первичный анализ и, естественно, проинформировали самый верх. Там удивились, огорчились, разгневались и потребовали от нас разобраться во всем и навести должный порядок. Иначе, мол, зачем мы вообще существуем.

– Из области бессмертных мелодий. Знакомо.

– Но мы успели приступить к действиям еще до окрика. И наш оперативник был уже в пути. Купст. Ты ведь знал его?

Я кивнул:

– Приходилось работать вместе. По двум делам. Хороший профессионал. Добрался?

– Да. Получили сообщение о прибытии на место.

– И все, – произнеся полувопросительно, полуутверждая.

- Именно так и случилось.
- Послали второго. Кого?
- Омара. Все дальнейшее – один к одному.

Больше спрашивать я не стал: уже знал, что последует дальше. Но Иванос продолжил, без моих понуканий:

– Третьим пошел Канус. Вызвался сам. Мы разработали ему неплохой маршрут. Нестандартный. Собственно, так и нужно было делать с самого начала, но нам все время дышало в затылок большое начальство. А тут уж мы решили действовать по своему разумению. Учитывая обстановку, его забросили обходным путем. Из мира в мир. По местным сетям.

– И добрался? Я с ним два раза работал – паренек настырный.

– Благополучно перебросился отсюда на – только не смейся – на ту самую твою Трешку. У него было попутное задание: найти, если получится, тебя. И оттуда он вышел на связь. Но на этом везение кончилось. До сих пор сидит там. Какие-то сложности с ВВ.

– Я же тебе говорил. Это может тянуться и два, и три дня... А с теми, первыми, связи так и не возникало? С Купстом – он мастер был устанавливать связь.

Иванос махнул рукой и умолк.

– Знаешь, как это называется? – спросил я сердито. – Прерванный половой акт. Начал – кончи!

Он вздохнул:

– Ждешь оргазма? Не выйдет. Потому что в конце концов на связь он вышел; но в том, что он тогда нам наговорил, мы и посейчас не можем разобраться.

– Давай попробуем еще разок.

– Одна попробовала... – буркнул он в несвойственной ему уличной манере.

– Все-таки что передал Купст? Это была туфта? Или тоже – его ЛК прислал соболезнавания и навсегда выключился?

– Омар погиб, это точно. Его живым и нельзя было взять, не тот был мужик. А Купст... О его гибели пока данных нет: ЛК дышит. Но в его сообщении было... а вернее, не было ничего, что мы могли бы считать достоверным. Выглядело, по его словам, так, словно он попал в другую вселенную. С другими законами существования материи. Энергия якобы возникает из ничего. Какие-то устройства связи – то ли с другими галактиками, то ли новыми измерениями – словом, всевозможная неправдоподобница. Громадные заводы, появляющиеся за одну ночь. Мгновенный и бескровный захват нашей эскадры, оказавшейся почему-то совершенно без людей. В таком вот духе. Затем настал перерыв – неделя без связи. А потом, под конец, в его сообщении не осталось ни единого разумного слова. Старческий маразматический бред. И все прочее соответственно: и голос, и манеры, полное отсутствие смысла – он даже не понимал, с кем говорит и о чем, где он сам находится... Если верить ему – он в конце концов оказался в каком-то доме престарелых, чуть ли не в тюрьме... В таком вот духе.

– А лет ему сколько?

– Купсту? Двадцать восемь. Рановато для маразма, верно?

– Вроде бы, – согласился я. – Хотя... Ты вот не маразматик вроде бы, но то, что рассказываешь, – очень сильно смахивает на бред.

– Это и был бред. Единственным, что мы смогли разобрать, оказалось заявление об уходе в отставку и прошение о пенсии. Остальное – вообще ни слова. Скорее белый шум. Ну, как ты можешь истолковать подобную информацию?

Я пожал плечами:

– Так сразу не оценишь. А сам ты как расцениваешь?

– Если бы я знал! – проронил Иванос с какой-то неожиданной, несвойственной ему усталостью. – Вот и скажи теперь: как можно все это интерпретировать? Ты сейчас – свежие мозги, проницательный взгляд со стороны, вот и вразуми нас, уже уставших ломать головы...

– Ну, – произнес я уверенно, – вы-то слабоумием не заразились. А значит, не только ломали головы, но и принимали меры. Не слабые, наверное? Изложи, а тогда и я отвечу.

– Кое-что, понятно, делалось. Начиная с высшего руководства. Но об этом я тебе, по сути, уже все рассказал раньше. Разве что отдельные подробности. – Иванос усмехнулся. – Но и в них ничего не почерпнешь. Чтобы закончить изложение: с тех пор никакой новой информации – и ни одной сколько-нибудь приемлемой гипотезы.

– Ну, создать ее нелегко – если к ним не подступишься. Закрытый мир. Черный ящик. Глухо. И как же у тебя хватило совести...

Он знал, в чем я его сейчас стану обвинять. И перебил:

– Да ничего подобного! Никакого черного ящика! Наоборот, они по всей своей ВВ-сети – а она у них все-таки самая широкая в Галактике – рекламируют себя, приглашают людей, всячески поощряют иммиграцию из любого мира. Мы тут, конечно, ничего такого не поощряем, наоборот... Хотя запретить официально закон не позволяет. И люди едут. Немногие, но едут.

– А возвращаются?

– Пока такие случаи не фиксировались.

– На связь оттуда выходят? Говорят с родными, друзьями, любимыми, оставшимися в их прежних мирах?

– Знаешь – не так уж редко. И ни на что не жалуются. Наоборот, довольны. Приглашают других. Ни разу ни слова – во всяком случае, в тех сообщениях и разговорах, что нам удавалось проконтролировать, – ни малейших жалоб на, скажем, продовольственные трудности или на бытовые, какие неизбежно возникают при недостатке энергии. Ну, понятно, народ туда едет в основном такой, у которого в родных мирах что-то не сложилось: нет карьеры, роста, хорошей работы, прежде всего – денег. Но ХТС, кстати, никого не призывает делать в Улар инвестиции. Похоже, отказавшись платить налоги, они свои финансовые проблемы решили.

– Ага, – сказал я скорее самому себе. – Въезд, значит, открыт. Для всех желающих. Но если этот желающий оказывается агентом Службы – то с ним происходят нежелательные события. Значит, его как-то засвечивают.

– Ну, что касается наших – они могли быть известны и раньше. У ХТС, как у любой корпорации такого размаха, своя разведка и контрразведка, классом не ниже наших. Потому мы и решили: своих профессионалов посылать больше нельзя.

Иванос взял паузу, я же не стал заполнять ее: пусть скажет сам, интересно – как это у него получится.

– Тогда – я уже говорил – мы стали искать тебя. Не нашли.

– Это я и сам знаю, – вернул я.

– Ну – и как раз в это время ко мне и обратилась твоя... Ну, Лючана.

– А ты и обрадовался.

– Слушай, но ведь тут, собственно, никакого риска и не было. Приезжает женщина, на официальной службе никогда не состоявшая, трудоспособная, здоровая, прибывает не с Теллуса, Армага или другого сильного мира, а из провинции – я же говорил тебе, что мы ее послали обходным путем и снабдили всем, что нужно, – чистыми номерами, кодами... ну, этого тебе объяснять не надо.

– Не надо. И она пропала.

– Да, – сказал Иванос. – И она пропала.

– Вот с этого места, – заявил я, – давай во всех деталях. Раз уж у меня полный допуск – открывай все шлюзы. Даже те, которые не положено.

Я сказал это неслучайно: даже и высшие допуски бывают очень разными. Одни есть у трехсот человек, другие у тридцати, но есть и те, которыми обладают лишь трое. И на этот раз я должен был стать четвертым.

Иванос кивнул. Он понимал, что тут не до буквы закона. А дух его (дух любого закона заключается в достижении целей, ради которых он и принят) генерал ощущал прекрасно.

– Ладно, – согласился он неожиданно легко. – Поехали. Но только не жди, что я выдам такую информацию, после которой тебе останется только нажать на кнопку – и твоя жена войдет в эту вот дверь, держа в охапке ответы на все задачи. Скажу все, что знаю сверх уже изложенного; но это меньше, чем ты надеешься.

– Ну, хоть шерсти клок, – сказал я невесело. – Все же станет теплее.

Насчет «паршивой овцы» я промолчал, помня, что с любым генералом следует обращаться, соблюдая все предосторожности.

12. Доктор Крат – немного о себе

«Наверное, нужно хотя бы отказаться от одного из постов, – так думал доктор Астин Крат, вместо того чтобы по уши, вернее, не по уши, а с головой уйти в необходимые и сложные расчеты. – Потому что положение все усложняется, а чем оно становится сложнее, тем меньше остается даже не возможностей выхода, но направлений, в которых эти выходы можно искать. Никто другой этого не сделает, хотя бы потому, что ни у кого не хватит времени, чтобы понять обстановку до конца. Отказываться надо от должности главного энергетика, потому что от хронофизики я уйти никак не могу, да и не отпустят. Меня никогда не отпустят, проклятая судьба! Так, может быть, пусть все происходит так, как и должно происходить? Не ломать голову, но дожить оставшееся тихо и спокойно. Гибели никто, наверное, и не почувствует.

Но ведь погибнет и Тина! А это никак не должно произойти. Она достойна лучшей и долгой, самой лучшей и самой долгой жизни. Когда она выходила за меня – господи, кажется, века уже прошли с тех пор! – я обещал ей столько всего... И вот оказывается, что проблемой становится даже дать ей возможность выйти живой оттуда, куда сам же я ее и завел...

А ведь как прекрасно все начиналось! В молодости я шел по жизни, как грибник, вступивший в лес, где трудно было сделать шаг, не наступив на гриб, и были они – один другого лучше, породистее, крупнее, и можно было выбирать: вот за этим я нагнусь, чтобы аккуратно срезать его, и за тем, пожалуй, тоже, а вон за теми даже наклоняться не стоит – пусть подбирают их те, кто пройдет этими местами после меня. Грибами были идеи, весь мир состоял из новых идей, нелепым казалось, что другие не видят этого, потому что нельзя было представить, что уж настолько ленивы были эти люди, чтобы не нагнуться и не сорвать! А я уже в самом начале набрал их столько, что должно было хватить на всю долгую жизнь – тогда представлялось, что она обязательно будет долгой. Неожиданное приглашение на работу в молодую и перспективнейшую компанию «ХроноТСинус», где мне предоставили такие условия для работы, о которых начинающий ученый мог только мечтать; и встреча с Тиной, и любовь казались мне тогда естественными, неизбежными и обязательными составляющими жизни – такой, какой она тогда мне представлялась. А среди собранных идей уже мерещилась, рисовалась, приобретаемая все более четкие очертания, та, главная, ради которой и стоило жить, работать не уставая, чтобы в конце концов увидеть написанную собственной рукой – я не мог доверить этого компьютерной клавиатуре, – неповторимую по красоте формулу: $E=X3Y$, где Y – постоянная Крата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.